

На правах рукописи

Юша Жанна Монгеевна

**ФОЛЬКЛОР И ОБРЯД ТУВИНЦЕВ КИТАЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА**

Специальность: 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в секторе фольклора народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН
Кузьмина Евгения Николаевна

Официальные оппоненты:

Неклюдов Сергей Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора ФГБОУ ВО “Российский государственный университет”

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН

Салмин Антон Кириллович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится "16" мая 2018 г. в 11-00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.209.04 при Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по адресу: 121069 г. Москва, ул. Поварская, д.25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН <http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/2582-folklor-i-obryad-tuvintsev-kitaya-v-nachale-xxi-veka-struktura-semantic-pragmatika>

Автореферат разослан " " _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Т.В. Говенько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования Обрядовый фольклор и традиционная обрядность являются одной из малоизученных областей тувиноведения по ряду причин. В советское время шла активная пропагандистская работа по искоренению пережитков прошлого; научные подходы того времени не предусматривали комплексного междисциплинарного изучения фольклорного явления. Поэтому многие традиционные семейные и календарные ритуалы, а также сопровождающие их словесные образцы в период активного бытования не были вовремя зафиксированы, в связи с чем безвозвратно упущена возможность собирания некоторых материалов по обрядовой культуре. Нередко имеющиеся образцы обрядовых текстов сделаны вне обрядовой ситуации, в них не уделено должного внимания контексту проведения ритуалов, что ведет к одностороннему пониманию только фольклорной специфики, без важных составляющих ритуала. Записанные у российских и монгольских тувинцев фольклорные и этнографические материалы не дают полной картины состояния обрядовой традиции, а также они не проанализированы в сравнительно-сопоставительном плане. В отечественной и мировой гуманитарной науке отсутствуют зафиксированные и введенные в научный оборот материалы, характеризующие традиционную культуру китайских тувинцев, поскольку фольклор и ритуал не были объектом специального научного исследования; не имеются монографические работы по фольклорной и обрядовой традиции этнической группы тувинцев Китая.

В свете обозначенных проблем актуальным является исследование этнической группы тувинцев, живущих в Китае, у которых, по сравнению с метрополией, а также с монгольскими тувинцами, в большей степени сохранились реликтовые черты общетувинской традиционной культуры, проявляющиеся в обрядовой сфере и фольклоре. Поэтому всестороннее изучение духовной культуры китайских тувинцев может способствовать восполнению знаний об архаичном пласте традиции, жанровой системе фольклора, пониманию семантики и структуры утерянных ритуалов, устранению «белых пятен» в тувиноведении. Это особенно актуально в связи с тем, что в начале XXI века в связи с возрождением национального самосознания наблюдается интерес современного общества к истокам самобытной этнической культуры, так как в настоящее время российские тувинцы предпринимают попытки реконструкции утерянных пластов духовной культуры.

Степень разработанности Из этнических групп зарубежных тувинцев, наиболее изучены с точки зрения языка, фольклора, истории, этнографии монгольские тувинцы [Аранчын; Маннай-оол; Монгуш; Айыжы; Таубе; Баярсайхан; Гансук; Серен¹ и др.]. Несколько по-другому обстоит дело с

¹ Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // Уч.зап. ТНИИЯЛИ. Вып. XVII. Кызыл, 1975. С. 212-218; Маннай-оол М.Х.

китайскими тувинцами, которые почти до середины XX в. оставались неизвестными для мировой науки. В китайской научной среде нередко возникали споры о том, какую народность представляет данная группа. Некоторые ученые считали их либо монголами, либо казахами. Поэтому до 1950 гг. родной язык тувинцев, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, относили к диалекту казахского языка. Только в 1956 году первый исследователь языка китайских тувинцев Генг Шимин², записавший образцы разговорной речи, доказал, что их язык – диалект тувинского языка, а сами они – тувинцы. В этой статье автор дал шесть фонетических отличий, прослеживающихся в языке китайских и российских тувинцев. Кроме этого, он привел небольшой текст, состоящий из 35-ти предложений с переводом на английский язык, имеются комментарии к разговорному тексту, записанному от носителя.

Язык тувинцев, начиная с середины 80-х годов XX века, был объектом исследования китайского лексиколога Сонг Чжэнчуна³. В серии статей им рассматриваются фонетические и лексические особенности языка тувинцев Китая. В частности, Сонг Чжэнчуном в двух номерах журнала «Языки и письменности нацменьшинств» (Minzu yuwen) были опубликованы две статьи «Первые шаги в изучении фонетической системы тувинского языка в Китае» и «Общие сведения о тувинском языке». На эти статьи был опубликован отзыв «Изучение тувинского языка в Китае», написанный лингвистом-тувиноведом Ш.Ч. Сатом и синологом Л.Ю. Доржу⁴. Итоги исследовательской работы Сонг Чжэнчуна изданы в 2016 г. в обобщающей монографии 图瓦语和图瓦人的多语生活 = «Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China» («Тувинский язык и жизнь тувинского народа в мультилингвистической среде Китая»)⁵. В ней автор анализирует вопросы морфологии и лексики языка китайских тувинцев. В качестве приложения к книге помещено благопожелание,

Тувинцы Монголии: традиции и современность // Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1995. Вып.18. С.56-61; Монгуш Д.А. О языке тувинцев в Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983. С.127-145. Айыжы Е.В. Тувинцы Кобдосского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл: Тув.кн.изд-во, 2009. 81 с.; Таубе Э. Изучение фольклора у тувинцев МНР // Советская этнография, №5, 1975. – С.106-112; Сказки и предания алтайских тувинцев (собр. Э.Таубе, пер. с нем. Б.Е. Чистовой). М.: "Восточная литература" РАН, 1994. 382 с. (Сказки и мифы народов Востока); Баярсайхан Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте). Автореферат дис...кандидата филол.наук. Новосибирск, 2009. 25 с.; Гансук Х. Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла. Дис. ... канд.филол.наук. Новосибирск, 2009. 20 с.; Серен П.С. Моолда тываларнын чанчылдары.Кызыл, 2000. 56 с.

² Shimin G. Materials on Tuvinian language of China // Алтайские языки и восточная филология: сборник статей. М.: Восточная лит-ра РАН, 2005. С. 409-503.

³ Чжэнчун С. Первые шаги в изучении фонетической системы тувинского языка в Китае // Миньцзу юйвень, 1982, №6. С.58-65 (на кит.яз.); Чжэнчун С. Общие сведения о тувинском языке // Миньцзу юйвень, 1985, №1. С. 65-80 (на кит.яз.).

⁴ Сат Ш.Ч., Доржу Л.Ю. К изучению тувинского языка в КНР // Советская тюркология, №5, 1989. С. 93-96.

⁵ Zhengchun S. 图瓦语和图瓦人的多语生活 (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China) Beijing, 2016. 348 с.

посвященное тувинскому народу, а также героическое сказание «Буга-Чарын, Буктуг-Кириш», состоящее из 511 стихотворных строк.

В докторской диссертации Таланта Мауканоли⁶ проанализированы фонологические и морфологические особенности бесписьменного языка китайских тувинцев. В работе, состоящей из пяти частей, подробно описывается фонологическая система языка: гласные, согласные; силлабическая и морфемная структуры, фонемы, дифтонги, ударение, палатализация гласных; морфологическая система: структура слова, части речи, существительное, числительное, глагол, наречие, предлоги. В приложении А помещены девять текстов, иллюстрирующие разговорную речь тувинцев. Все приведенные тексты транслитерированы и переведены на английский язык. В приложении дана тувинская лексика (280 слов) с переводом на английский язык.

В 2005 году в издательстве Индианского университета (США) вышел в свет сборник «Jungar Tuvan texts» («Джунгарские тувинские тексты»), подготовленный Талантом Мауканули⁷. Он состоит из вступительного слова составителя и пяти разделов. В первой и второй частях содержатся образцы разговорной речи китайских тувинцев о родном языке и культуре своего народа, там же представлены биографические данные, рассказанные самими информантами. В третьей части издания представлены четыре сказки без оригинальных названий с переводом на английский язык, два мифологических рассказа о шамане-лекаре и человеке, умеющем предсказывать по бараньей лопатке. В четвертом разделе – шесть текстов народных песен и один текст – благопожелания. В пятую часть сборника включены образцы разговорной речи на самые разнообразные темы, записанные от четырех информантов. Подача текстов в книге обусловлена лингвистическим подходом. Каждое предложение в помещенных текстах пронумеровано арабскими цифрами, слова переведены на английский язык и к ним дано лингвистическое глоссирование. В конце издания в качестве приложения дан краткий тувинско-английский словарь, состоящий из 400 слов.

В 2006 году опубликованы ранее неизданные две небольшие статьи известного российского тюрколога Э.Р.Тенишева⁸ «Тувинское племя кекмунчак из Синьцзяна» и «Стихи кекмунчаков», написанные по экспедиционным материалам Китайской академии общественных наук (КАОН). В них рассмотрены некоторые фоново-морфологические особенности тувинского языка, приведены образцы разговорной речи.

⁶ Mawkanuli T. The phonology and morphology of Jungar Tuva // Ph.D. Dissertation, Department of Central Eurasian Studies, Indiana University, December, 1999. 316 p.

⁷ Mawkanuli, T. Jungar Tuvan Texts // Research Institute for Inner Asian Studies, Bloomington, 2005. 266 p.

⁸ Тенишев Э.Р. Тувинское племя кекмунчак из Синьцзяна // Избранные труды. Книга вторая. Уфа: Гилем, 2006. С.186-189; Тенишев Э.Р. Стихи кекмунчаков // Избранные труды. Книга вторая. Уфа: Гилем, 2006. С.190-191.

Турецкий лингвист Мехмет Олмез⁹ в статье «Çin'deki Türk Dilleri ve Bugünü» («Современное состояние тюркских языков Китая») язык китайских тувинцев рассматривает наряду с уйгурским, казахским, киргизским, саларским, узбекским языками. Он отмечает мультиязычность носителей тувинского языка, фонетические особенности речи и некоторые грамматические категории.

К изучению традиционной культуры тувинцев обращались китайские антропологи: Намкамидог¹⁰, Гуан Пиншынг¹¹.

Намкамидог в работе «Shinjanin Tuva chuudun tuha sudulul» («Исследование Синьцзянских тувинцев») рассматривает верования и запреты, существующие в традиционной культуре тувинцев, их экологичное отношение к природе. Затрагивает тему образовательной системы в селах Ак-Хаба, Ханас и Хом. В приложении книги даны 252 тувинских слов в сравнении с казахскими, уйгурскими и монгольскими.

Намкамидог в следующей монографии 新疆 图瓦人社会文化田野调查 与研究 = «Xinjiang Tuvaren shenhuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu» («Полевое исследование общественной культуры синьцзянских тувинцев»), состоящей из 10 небольших глав, анализирует исторические периоды тувинцев, начиная с XVII века; выявляет социальные преобразования в жизни тувинского общества, описывает национальную одежду; рассматривает право наследования детьми имущества родителей; описывает свадебную обрядность, новогодние ритуалы *Шагаа*, а также буддийское празднество *Чула*. Акцентирует внимание на образовательной системе преподавания в монгольских школах, где обучаются тувинские дети; указывает на проблемы медицинского обслуживания в сельской местности; рассматривает религиозную жизнь тувинцев, а также анимистические воззрения на природу; выявляет запреты и предписания, которых придерживаются тувинцы в повседневной жизни. Кратко описывает погребальную обрядность; подчеркивает роль в народной культуре музыкальных инструментов (*шоор*, *илгиир*); приводит несколько замечаний о народных песнях; рассматривает тувинско-ойратские (монгольские) и тувинско-казахские взаимосвязи. В книге даны несколько фольклорных образцов: восхваление коня, пришедшего первым, исполненное на монгольском языке (66 стк.); народную песню о правителях-нойонах (12 стк.), песня-восхваление озера Ханас (12 стк.), песня о девушках (6 стк.), песня о семи кожуунах (16 стк.), которые сопровождаются нотами. В работе автор пишет о том, что произведения когда-то богатого фольклора китайскими тувинцами в настоящее время уже не исполняются. Намкамидог отмечает, что людей, знающих сказки, уже не осталось, и приходит к выводу, что фольклорная традиция тувинцев утрачена двадцать лет тому назад.

⁹ Olmez M. Çin'deki Türk Dilleri ve Bugünü // 4. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri. Ankara, 2013.S.397-422.

¹⁰ Namkamidog. Shinjanin Tuva chuudun tuha sudulul. Beijing, 2007. –200 p.; Namkamidog.新疆 图瓦人社会文化田野调查 与研究 (Xinjiang Tuwaren shenhuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu). Beijing, 2009. 294 p.

¹¹ Bingsheng G. 中国 图瓦 演 就 (Zhong guo Tuwa ren yan jiu). Beijing, 2011. 380 p.

Гуан Пиншынг в монографическом исследовании 中国 图瓦 演 就 («Трансформация народа. О китайских тувинцах») рассматривает вопросы традиционной культуры, некоторые трансформационные процессы, начавшиеся в современное время; уделяет внимание национальной идентичности китайских тувинцев, дает исторические сведения, записанные у самих носителей традиции, то есть устные свидетельства; определяет социальные проблемы современного тувинского общества; дает краткий анализ основных обрядов и праздников; рассматривает представления о жизни и смерти, связанные с ними запреты и предписания; описывает тувинско-казахские и тувинско-монгольские межэтнические отношения.

На основе полевых наблюдений Юсинь Ху¹², – докторант Школы государственной политики и управления Университета Циньхуа (г. Пекин), в своей статье анализирует современную ситуацию жизни и быта китайских тувинцев. Автор считает, что китайские тувинцы, несмотря на то, что в списке этнических меньшинств обозначены как монголы, в большинстве своем сохраняют тувинскую идентичность. По мнению автора, переход на оседлость, отчуждение от природы, запрет на охоту, искоренение шаманизма, уход от основ традиционной культуры, невозможность отстаивать человеческие права законным образом, существование других негативных факторов повлияли на появление в тувинском обществе первых социальных проблем, таких как алкоголизм и преступность.

Одним из первых российских ученых, побывавших у китайских тувинцев Ак-Хабы, Ханаса и Хома, была тувиновед-этнограф М.В. Монгуш¹³, которая совершила экспедицию в 1993 г. Результаты этой поездки легли в основу нескольких ее научных статей и монографий. В первой книге «Тувинцы в Китае (историко-этнографический очерк)» автор рассматривает языковую ситуацию, основные занятия, традиции и обычаи. В приложении к работе даны образцы разговорной речи, четыре отрывка народных песен (с публикацией песенных вариантов российских тувинцев) и два текста свадебных благопожеланий. Во второй монографии «Тувинцы Монголии и Китая» [2002] М.В. Монгуш¹⁴ анализирует процессы формирования тувинских этнолокальных групп в Монголии и Китае, освещает вопросы их расселения и численности, рассматривает этноязыковую ситуацию и некоторые изменения, происходящие в области материальной и духовной культуры, а также вопросы межэтнических отношений у зарубежных тувинцев.

Продолжением этой же темы является третья работа М.В. Монгуш¹⁵ «Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном

¹² Hou Y. The analysis of current situation of Tuva people in China // Новые исследования Тувы, 2014, №1. https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6984-hou.html

¹³ Монгуш М.В. Тувинцы в Китае (историко-этнографический очерк). Кызыл: Изд.-полигр. комплекс «Эне созу», 1997. 78 с.

¹⁴ Монгуш М.В. Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы (История и современность). Новосибирск: Наука, 2002. 126 с.

¹⁵ Монгуш М.В. Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. – Национальный Музей Этнологии: Осака, 2010. 358 с.

контексте», состоящая из четырех глав, последняя из которых посвящена зарубежным тувинцам, где автор уделил внимание тем же вопросам, которые рассмотрены в предыдущих монографиях.

Начиная с 2011 г., при финансовой поддержке научных фондов для российских исследователей появилась возможность экспедиционной работы среди китайских тувинцев. С этого времени появляются первые публикации тувиноведов, в которых освещается полевая работа, жизнь и быт тувинцев Китая: М.В. Бавуу-Сюрюн «Социолингвистические заметки о тувинцах Китая»¹⁶, У.А. Донгак «Научная экспедиция в Китай и Монголию»¹⁷, Е.В. Айыжы, А.А.Конгу «Тувинцы Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая»¹⁸. Результаты полевых изысканий, проведенных среди китайских тувинцев, явились основой для написания первых сравнительно-сопоставительных работ в области языка, истории и этнографии. Особенности диалектов тувинского языка, в том числе и зарубежных, рассматривает в своих публикациях М.В. Бавуу-Сюрюн «Отражение диалектного членения тувинского языка в фольклорных текстах», «О фарингализации в диалектах тувинского языка»¹⁹. В этих работах характеризуется современное состояние диалектов и говоров тувинского языка в сравнительном аспекте, в том числе и язык китайских тувинцев.

В статье Е.В. Айыжы и, А.Х.-О. Базырчап²⁰ особое внимание уделено почитанию природных объектов – священных гор, *оваа*, перевалов, которое сохраняется в современное время у российских, монгольских и китайских тувинцев. Небольшой обзор о перечисленных публикациях российских тувиноведов, посвященных китайским тувинцам, провел Б. Баярсайхан²¹, краткий обзор монографических исследований зарубежных и российских авторов проделан М.Олмезом²².

Следует отметить, что все перечисленные исследования были написаны на основе материалов, собранных только в трех селениях: у тувинцев Ак-Хабы,

¹⁶ Бавуу-Сюрюн, М. В. Социолингвистические заметки о тувинцах Китая [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1, 2011. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/445>

¹⁷ Донгак У.А. Научная экспедиция в Китай и Монголию <https://www.tuva.asia/news/tuva/4157-mongoliya-kitay.html>

¹⁸ Айыжы Е.В., А.А.Конгу А.А. Тувинцы Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (по материалам этнографической экспедиции в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) // // Вестник КемГУ, №3 (55), 2013. С. 23-27.

¹⁹ Бавуу-Сюрюн М.В. Отражение диалектного членения тувинского языка в фольклорных текстах // Сибирский филологический журнал, 2011. №4. С.163-172; Бавуу-Сюрюн М.В. О фарингализации в диалектах тувинского языка // Сибирский филологический журнал, №3, 2012. С.153-158.

²⁰ Айыжы Е.В., Базырчап А.Х.-О. Обряды и обычаи, связанные с культами природы у тувинцев Республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI века // Вестник КемГУ, №3 (55), 2013. С. 18-23.

²¹ Баярсайхан Б. Исследование тувинцев Синьцзяна (историографический обзор) // [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, № 2, 2015. – С. 32-39. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_26/7901-bayarsayhan.html

²² Olmez M. Çin Tuvaçasi ve Çin Tuvaçasi üzerine çalışmalar // Загрожені мові. Кримськотатарська та інші тюрські мови в Україні. Київ, 2016. С. 93-105.

Ханаса и Хома, где проживает основной массив тувинского населения, занимающееся скотоводством. В этих работах не привлекались полевые данные у остальных групп тувинцев, проживающих в Ала-Хааке, Кок-Догае, Бейтуне и Тамыкы, у которых развито скотоводство и земледелие.

В 2016 году в Синьцзянском издательстве вышел сборник народных песен тувинцев Китая, собранный и составленный учительницей Тайван Чаа²³, работающей в монгольской школе г. Алтая. Песенные тексты, вошедшие в сборник, переведены на монгольский и китайский языки. Книга состоит из предисловия и четырех основных частей. Первая часть содержит переводы песен на монгольском языке, вторая часть – на китайском, в третьей – находятся оригинальные тексты песен на тувинском (переданные кириллицей Сюзанной Кара-Сал), в четвертой – транскрипция текстов. В сборник включены 123 текста народных песен китайских тувинцев. Под каждым образцом дается имя исполнителя, дата записи и указание мест распространения песни. Кроме народных песен, в сборник попали и несколько авторских песен популярного композитора и поэта Солонго Шингила.

Итак, проведенный анализ научной литературы и опубликованных источников показывает, что до настоящего момента фольклор и обрядность этнических тувинцев Китая не становилась объектом специального анализа в отечественной и зарубежной фольклористике и этнологии. Сбор и фиксация фольклорных произведений, описание обрядовой культуры, их научное осмысление, систематизация и классификация фольклорно-этнографических материалов отсутствуют.

Объектом данного исследования является фольклорная и ритуальная традиции тувинцев Китая.

Предмет исследования – обрядовый фольклор семейных и календарных ритуалов китайских тувинцев

Цель диссертационного исследования состоит в целостной и системной характеристике фольклорной и обрядовой традиций китайских тувинцев.

В соответствии с поставленной целью и малоизученностью проблемы определены следующие **задачи**:

- дать общие сведения о тувинцах Китая;
- осветить историю изучения китайских тувинцев в гуманитарной науке; рассмотреть современную этноязыковую ситуацию в условиях многоязычия;
- проанализировать современное состояние фольклорной традиции; провести систематизацию и классификацию фольклорно-этнографических материалов по традиционной культуре;
- рассмотреть теоретические подходы к изучению обрядового фольклора;
- выявить и охарактеризовать культурные коды в ритуальной традиции тувинцев Китая; определить взаимосвязь вербального кода с другими культурными кодами;
- определить жанровую специфику обрядового фольклора в сравнительном освещении;

²³ Кыдат тываларнын чон ыры. 中国图瓦歌曲 (Песни китайских тувинцев) // Сост. Тайван Чаа (на тув., монг., кит. яз.). 乌鲁木齐, 2016. 290 с.

- выявить структуру обрядов детского цикла; проанализировать роль и функции вербального компонента в детском цикле;
- исследовать структуру свадебной обрядности; роль и семантику вербального компонента в свадебном ритуале;
- выявить структуру календарных обрядов; охарактеризовать вербальный компонент календарных ритуалов;
- определить функциональную роль традиционных состязаний и игр в структуре семейной и календарной обрядности;
- провести расшифровку новых полевых фольклорно-этнографических материалов, собранных автором в местах проживания китайских тувинцев; осуществить их перевод на русский язык;
- дать перевод на русский язык опубликованных фольклорных текстов и этнографических материалов по тувинцам России и Монголии, используемых в диссертации в качестве сопоставительного материала.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в научный оборот введены фольклорно-этнографические и исторические материалы, характеризующие традиционную культуру тувинцев Китая на тувинском и русском языках; описан родоплеменной состав китайских тувинцев; проанализирована этноязыковая ситуация; проведена систематизация и классификация фольклорных произведений; рассмотрена система фольклорных жанров; проанализирована структура и семантика семейных и календарных обрядов; изучена роль фольклорного слова в семейных и календарных ритуалах.

Новизна работы состоит также в том, что фольклорный материал рассмотрен через призму традиционной мифологии и культуры тюрко-монгольских народов, что позволило выявить общий пласт. Впервые осуществлен перевод фольклорных произведений с диалектов тувинского языка (российских, китайских и монгольских тувинцев). Наблюдения базируются на основе разновременных и разнорегиональных записей фольклорных текстов и обрядов. В работе привлекаются образцы разговорной речи китайских тувинцев с переводом на русский язык, поскольку они могут представлять определенный интерес для филологов-тюркологов. В связи с тем, что язык китайских тувинцев является бесписьменным, следует оговорить принятую в работе систему подачи текстов. Народная речь в работе передана средствами алфавита российских тувинцев, без введения дополнительных знаков и обозначений. Сохранены фонетические и грамматические особенности языка китайских тувинцев.

Теоретико-методологической базой исследования послужили общие теоретико-методологические принципы изучения фольклорной традиции, сформулированные в отечественной фольклористике в работах В.П. Аникина, Б.Н.Путилова, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, В.М. Гацака, Б.Л. Рифтина, С.Ю. Неклюдова, К.В. Чистова, Е.С. Новик; подходы и принципы по исследованию традиционной культуры и этнографии: А. ван-Генеппа, Д.К.Зеленина, А.К. Байбурина, А.К. Салмина; работы по проблемам изучения этнического самосознания: Ю.В. Бромлея, С.А. Арутюнова, М.В. Крюкова, Л.М. Дробижевой, В.А. Тишкова и др.; труды по славянской этнолингвистике и

фольклору: Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Т.А.Агапкиной, Л.Н.Виноградовой, И.А. Седаковой, В.Л. Кляуса, А.В. Гуры, Е.С. Узеневой; работы по календарной обрядности народов Восточной Азии: Р.Ш. Джарылгасиновой, Н.Л.Жуковской, И.В. Кульганек; В.В. Малявина; исследования по родильной и свадебной обрядности европейских народов: О.А. Ганцкой, Н.Н. Грацианской, Т.Д. Филимоновой, М.С. Кашуба, Л.В. Марковой, Э.А. Рикман, Ю.В. Ивановой; работы по традиционной культуре и фольклору сибирских народов: Н.А. Алексеева, К.Д. Басаевой, В.Я. Бутанаева, Е.Н. Кузьминой, Н.И. Шатиновой; исследования по культуре и языку китайских тувинцев: С. Чжэньчуня, М.В. Монгуш, Т. Мауканоли, Намкаמידог; по этнографии, фольклору и языку малочисленных народов Китая: Ю.В. Аргудяевой, В.Л. Кляус (русские), Б.Х. Тодаевой (ойраты).

Методология и методы исследования. Для сбора и фиксации фольклорно-этнографических материалов по традиционной культуре китайских тувинцев полевые исследования проходили с учетом календарно-сезонной обрядности в три этапа: зимний, летний, осенний. Во время полевой работы были использованы: метод включенного наблюдения; фиксация фольклорных произведений без отрыва от ритуала в их живом, естественном бытовании, исключая постановочные кадры; интервьюирование; беседа; «исследовательская провокация» (термин Т.Б. Диановой). Фольклорные и этнографические материалы записаны от респондентов разных возрастов, что позволило проследить сохранность и преемственность элементов традиционной культуры, а в некоторых случаях выявить трансформацию и упрощение фольклора и обряда. Метод включенного наблюдения, предполагающий достаточно долгое проживание собирателя в исследуемой среде, позволил в повседневной и непринужденной обстановке фиксировать материалы по традиционной культуре и фольклору, преодолеть отношение к исследователю как к чужаку.

В настоящей работе использован комплексный подход, включающий в себя системный, структурно-семантический, описательный, структурно-семиотический, сравнительно-исторический, историко-типологический, статистический методы исследования, которые позволили рассмотреть фольклор и обрядность в тесной взаимосвязи как неразрывный комплекс традиционной культуры китайских тувинцев:

- системный метод позволил рассмотреть фольклор и обряд как единое целое, находящееся в непрерывном взаимодействии;
- структурно-семантический метод использован при выявлении основных этапов и структуры ритуала, а также мотивов обрядовых текстов;
- с помощью описательного метода впервые выявлены, охарактеризованы и описаны поэтапное проведение семейных и календарных обрядов;
- структурно-семиотический метод применен для рассмотрения знаковой составляющей ритуала, в которых отражаются различные культурные коды: акциональные, вербальные, персонажные, предметные, временные, числовые, цветовые, звуковые, музыкальные, игровые элементы ритуала, их семантика и структура в семейных и календарных обрядах;

- сравнительно-исторический метод предоставил возможность сопоставить исследуемый материал со схожей семейной и календарной обрядностью других тюрко-монгольских народов Сибири;
- при изучении типологических параллелей, существующих в обрядовой культуре и фольклоре неродственных народов, использовались принципы историко-типологического метода;
- к мотивам обрядовых текстов был применен статистический метод, который позволил произвести подсчет частотности употребления разных мотивов, характеризующих основную цель каждого обряда.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что в ней применена методика комплексного сравнительного исследования традиционной культуры и фольклора локальных традиций, существующих в иноэтничном окружении. Выработаны параметры, с помощью которых были определены устойчивые факторы локальной традиции в сопоставлении с материнской. Основные результаты диссертационного исследования могут использоваться в работах, посвященных сравнительно-историческому аспекту духовной культуры тувинцев России и Монголии. Используемые в работе подходы их изучения могут быть применены в описании фольклора других зарубежных малочисленных этносов, имеющих «материнское поле» на территории России. Результаты диссертации будут привлечены в подготовке томов «Песенная лирика тувинцев», «Обрядовый фольклор тувинцев» в двуязычной академической 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Материалы диссертации дают возможность реконструировать утраченный пласт традиционной культуры российских тувинцев, а также возродить свадебную обрядность, традиционные состязания, характерные для календарной и семейной обрядности, осмыслить их мифологический подтекст и семантическую направленность. Полученные результаты исследования также могут быть использованы в учебной практике для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля, а также в разработке спецкурсов по фольклору и этнографии народов зарубежной Азии.

Апробация результатов. Результаты работы обсуждались на заседаниях ученого совета Института филологии СО РАН и сектора фольклора народов Сибири в 2015-2017 гг.

Основные положения диссертации отражены в 53 публикациях, из них 3 монографии и 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в докладах и выступлениях на Международных конференциях: Анкара (2012, 2017), Алматы (2011), Адыйаман (2013), Стамбул (2011, 2013, 2014, 2016), Пекин (2014), Кызыл (2013, 2014), Уфа (2010) и Всероссийских конференциях: Москва (2006, 2014), Санкт-Петербург (2014, 2015), Новосибирск (2013, 2016).

Основные положения, выносимые на защиту:

- Фольклорная традиция китайских тувинцев в настоящее время является живой и функционирующей системой, в которой сохранились в отличие от материнской традиции многие архаичные жанры.

- Фольклор и обряд тувинцев Китая представляют собой единый культурный текст, в котором присутствуют двенадцать культурных кодов: акциональный, вербальный, пищевой, пространственный, персонажный, временной, игровой, числовой, цветовой, предметный, звуковой, музыкальный, – выполняющие в структуре обрядов важную роль.
- В обрядовом фольклоре и ритуалах детского цикла китайских тувинцев отразились представления о жизненном пути человека, начиная с его рождения. Поэтому вся обрядовая часть направлена на обеспечение благополучия человека и заботу о его дальнейшей судьбе, на моделирование жизненного пути ребенка.
- Свадебная обрядность китайских тувинцев представляет собой зрелищное драматизированное действие, в котором сочетаются фольклорные и этнографические пласты традиционной культуры. Акциональные и вербальные компоненты этапов свадьбы нацелены на то, чтобы наделить новобрачных всеми положительными качествами, необходимыми для благополучной совместной жизни, в соответствии с традиционными идеалами семейного счастья.
- В календарной обрядности тувинцев Китая сохраняются архаичные верования. Главная особенность новогодних обрядов китайских тувинцев состоит в том, чтобы «правильно» проводить прожитый старый год и достойно встретить наступающий Новый год. С этой же целью проводятся ритуалы, произносятся обрядовые тексты, которые должны привлечь счастье, достаток и удачу на будущий год.
- Культовая часть летнего обряда, несмотря на присутствие буддийского ритуального специалиста и атрибутики, остается насыщенной языческими представлениями. Особая роль старейшины или уважаемого человека в проведении *оваа дагыры* (освящение обо), как и раньше, является неизменной. Влияние отразилось только на внешнем уровне ритуала, так как основная структура ритуала и ее суть остаются прежними.
- Традиционные состязания являются обязательными составляющими в структуре календарных и семейных обрядов. В них отчетливо прослеживаются архаичные представления, хотя в настоящее время носителями культуры их сакральное значение уже не осознается.
- Обрядовая культура и фольклор китайских тувинцев, у которых сохранился пласт архаичных элементов, обнаруживают сходства и параллели с материнской традицией, а также с обрядовой сферой других тюрко-монгольских народов.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка сокращений, иллюстративного материала, использованной литературы, списка информантов и Приложения, включающего пять таблиц, карту расселения китайских тувинцев и фотоиллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение содержит историю изучения фольклора китайцев и малочисленных народов Китая российскими исследователями и учеными стран СНГ, а также историографию изучения китайских тувинцев в гуманитарной науке. Здесь обосновывается актуальность темы диссертации, описывается степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, характеризуются методологические принципы, степень научной новизны, теоретическая и практическая значимость работы, степень достоверности и апробация результатов, описываются структура и содержание работы.

В первой главе «Тувинцы Китая: история и современность» проанализировано современное состояние традиционной культуры, даны исторические сведения, описаны некоторые периоды истории китайских тувинцев, не освещенные в научной литературе. Рассмотрены вопросы расселения, численности, этнической идентификации, а также роль этнотуризма в современном бытовании традиционной культуры. Показана современная языковая ситуация и система школьного образования, характерные для тувинцев Китая, живущих в условиях иноэтничного окружения. В силу неизученности этих вопросов, изложенные в диссертации новые сведения, являются важными факторами для понимания специфики бытования фольклорной и обрядовой традиций у тувинцев Китая на современном этапе.

В первом параграфе «Общие сведения» представлен анализ современного состояния традиционной культуры, хозяйственных занятий, образа жизни и быта китайских тувинцев в XXI веке. Указаны места компактного и дисперсного расселения китайских тувинцев на территории Синьцзянь-Уйгурского автономного района КНР, которые образуют три "очага". 1) Ак-Хаба, Ханас, Хом; 2) Ала-Хаак; 3) Тамыкы, Кок-Догай. Тувинские семьи имеются также в городах районного назначения Хаба, Бурчин, Бейтун, Алтай Алтайского аймака. По типу хозяйствования подразделяются на две группы: горно-таежная (Ак-Хаба, Ханас, Хом; скотоводство) и таежно-степная (Ала-Хаак, Кок-Догай и Тамыкы; скотоводство и огородное земледелие).

Рассмотрены вопросы самоназвания *кок-мончак*, *мончак*, *алдай дывазы*, *дыва*. Численность тувинцев, по их подсчетам, составляет около 2500 чел., они входят в число 56 национальностей КНР под именованием монголы. Выявлен этнический состав китайских тувинцев, состоящий из одиннадцати родовых групп (*сөөк*): *хойук*, *иргит*, *чаг-тыва*, *ак-соян*, *кара-сал*, *кара-тош*, *кызыл-соян*, *хойт*, *делег*, *калга*, *хаа-дарган*. Некоторые родоплеменные группы китайских тувинцев подразделяются на мелкие патронимии (*салаа*) и могут объединяться в одну большую группу (*дорт сумун* или *мончак*).

Описаны некоторые периоды истории китайских тувинцев, не освещенные в научной литературе. В 1930 гг. XX в. на территории Синьцзяна началась дунгано-казахская война. Из охваченного войной и беспорядками территории Синьцзяна тувинцы бежали на Монгольский Алтай, где часть из них обосновалась в районе Кобдо и Сенгела. Некоторая часть тувинского населения вернулась обратно на Китайский Алтай, поскольку в Монголии наблюдалась

нестабильная политическая ситуация. Освещена тема 24-летней депортации (1958-1982 гг.) китайских тувинцев в другие местности: Кызыл-Онгу-Чанагаш, Халтан, Чунгур. Отмечено, что в связи с событиями, произошедшими в России в начале XX в., в Синьяцзяне наблюдался приток населения из СССР, которое было представлено разными социальными слоями общества: белые эмигранты, старoverы (*кержаки*), кулаки. В эти же годы волна русской эмиграции не обошла стороной и места проживания тувинцев, куда переселились бывшие граждане СССР, бежавшие от советской разрухи. Русское население Ак-Хабы, Хома и Ханаса жило с тувинцами по соседству до 1956 года, Кок-Догая – до 1962 года, когда в связи с ухудшением отношений между СССР и Китаем, по требованию китайских властей русские были депортированы из страны.

В работе дается краткая характеристика религиозных представлений китайских тувинцев, выявляется синкретизм традиционных верований: языческих, шаманистских и буддийских. Отмечена схожесть многих мифологических воззрений с народами Саяно-Алтайского нагорья: трехчленная структура Вселенной, наличие духа-хозяина *ээзи* (вариант *сантык*) у каждого природного объекта и др. Однако духом-хозяином Китайского Алтая китайские тувинцы считают *Ак-Огбена* (вариант *Сагаан-Огбен*), седобородого старца, едущего на белом воле. *Ак-Огбен* является хозяином всей земли и всего, что находится на ней: природных объектов, скота, зверей, он в плане иерархии выше всех духов-хозяев.

Рассмотрены вопросы этнической идентификации китайских тувинцев в условиях иноэтничного окружения, которые являются одними из неизученных в тувиноведении. Для большей части тувинского населения характерна моноэтническая идентичность. Однако в связи с тем, что тувинцы Китая живут долгое время в иноэтничной среде и по официальной статистике с 1958 г. отнесены к монголам, у современных тувинцев в последние годы возникают определенные трудности и путаница с этнической самоидентификацией. Некоторые представители мононациональных тувинских семей относят себя и к тувинцам, и монголам. В переосмыслении этнической принадлежности сказывается несколько факторов. С одной стороны, прослеживаются культурно-исторические связи тувинского и монгольского народов на уровне общности народных традиций и обычаев, а также конфессиональной принадлежности к буддизму. С другой стороны, в определении этнической идентификации большую роль сыграл исторический фактор – сложная судьба тувинского народа, пережившего многие потрясения в течение нескольких лет XX века (дунганская война 1930-х гг., репрессии тувинцев в 1958-1982 гг.). Выдержав большие испытания, в последующие периоды для дальнейшей благополучной жизни китайские тувинцы стали выдавать себя за монголов, скрывая истинную этническую принадлежность. Поэтому можно отрицать присутствие измененной этнической идентичности, когда в глазах тувинцев чужой народ обладает более высоким статусом, чем свой. В настоящее время наблюдается попытка реанимировать этноним *тыва* 图瓦人 в пределах Китая в качестве самоназвания представителей народа.

Во втором параграфе «Этноязыковая ситуация и образовательная система» анализируются современная языковая ситуация и система школьного образования, характерные для китайских тувинцев, поскольку бытование фольклорной традиции зависит от степени владения материнским языком его носителей. Родным языком китайских тувинцев является тувинский, который считается одним из зарубежных диалектов современного тувинского языка. До настоящего времени родной язык бытует в устной форме без национальной письменности. Выявлены четыре зоны распространения тувинского языка, где степень функционирования тувинской речи зависит от региона проживания, хозяйственно-культурного типа и возраста носителей языка. В работе показана существующая образовательная система для тувинских детей, которые обучаются в монгольских или казахских школах. Тувинцы, оказавшись в мультиязычной среде, являются естественными полилингвами. Они, кроме родного языка, достаточно хорошо владея другими (монгольский и казахский), в своей родной речи допускают языковые изменения, которые возникают вследствие взаимодействия с языками соседних народов. Эти процессы языковой интерференции могут быть первоначальными признаками утраты тувинцами родного языка. Показано влияние казахского языка на лексику и морфологию тувинского языка, отмечены случаи употребления монголизмов, китайских и русских заимствований, применение топонимов на разных языках: тувинском, монгольском, казахском и китайском языках, описана роль мобильного телефона и Интернета в современной жизни тувинцев. Отмечено, что в последние годы с развитием этнотуризма в регионе усиливается популярность китайского языка среди тувинцев в качестве языка межнационального общения.

Во второй главе «Современное состояние фольклорной традиции» проанализирована система жанров фольклора китайских тувинцев. Фольклор китайских тувинцев, проживающих вне материнской традиции, рассматривается с точки зрения «фольклорного диалекта», имеющего черты общетувинской фольклорной традиции. Анализируется преемственность и бытование фольклорных жанров, их общие и локальные жанровые особенности, присущие фольклору китайских тувинцев.

В первом параграфе «Несказочная проза (хоочу)» проанализировано бытование жанров несказочной прозы. Сохранились мифы о происхождении Вселенной и появлении жизни на земле («Миф о сотворении человека», «О происхождении Вселенной»), космогонические мифы о происхождении звёзд и созвездий: *Чеди-Хаан* (Большая Медведица), *Улгер* или *Уш-Мыйгак* (Орион), *Шолбан* (Венера), а также о строении Вселенной, духах-хозяевах местности, лунном и солнечном затмениях. Большую группу текстов составляют мифологические сюжеты о сверхъестественных существах: *челбеге*, *чес-тырнак*, *алмыс*, *шулмус*, *бук*, которые населяют Средний мир и могут навредить человеку. Бытуют древние поверья и сюжеты о всемирных катастрофах, связанных со стихиями воды (*суг халап*) и огня (*от халап*). Генеалогические предания повествуют о происхождении некоторых родоплеменных тувинских групп: *иргит*, *хэйук*, *чаг-тыва*, *кара-сал*. Характерной чертой этих рассказов является

описание деяний или истории жизни первопредка, от которого ведет свое происхождение тот или иной род. Исторические предания представлены циклом рассказов об Амыр-Сане (Амурсана), имевшем титул хун-тайджи, реального исторического лица, жившего в XVIII веке в Джунгарии и восставшего против власти маньчжуров. Предания про Амыр-Сану у тувинцев Китая имеют территориальные особенности. Так, в южных селах Ак-Хаба, Ханас, Хом личность Амыр-Саны ассоциируют с реальным топонимом – горой Болбаадай, где он, якобы потерпел сокрушительное поражение. Считают, что именно из-за этого события стали называть гору Болбаадай (букв. «не получилось»). Тувинцы Кок-Догая и Тамыкы, живущие вблизи границы с Монголией, имя Амыр-Саны связывают со скалой, находящейся неподалеку от села Тамыкы, где произошло кровопролитное сражение.

Особое место занимают исторические предания о бегстве тувинцев в Монголию в 30-х годах XX века в период дунганской войны в Китае и о том, как часть тувинцев обосновалась в Монголии. Значительное место в устной прозе занимают топонимические предания о названии местностей, рек, озер и гор, окружающего ландшафта, которые содержат народные толкования о происхождении названий той или иной местности, реки, озера, горы. Большой пласт рассказов посвящен людям, обладающим магическими способностями: *чатчы* (вызыватели непогоды), *отчу* (знахари-травники). Так, по мифологическим воззрениям китайских тувинцев, *чатчы* с помощью волшебного камня *чат* может оказывать влияние на погоду: вызвать снег, дождь, засуху, ветер. Широко бытуют предания о силачах, богатырях, обладающих необычными способностями, имеющих особое, отличительное от других строение тела, не свойственные обычному человеку физические качества. Сохранились небольшого объема рассказы о великих местных шаманах, обладавших необычным даром телепортации, провидения, об их сверхъестественных способностях, несмотря на то, что шаманская традиция была прервана.

Рассмотрены устные рассказы о происхождении инструментальных наигрышей, исполняемых на музыкальном инструменте *шоор*. Установлено, что для понимания семантики инструментальных наигрышей следует учитывать, что вербальная часть, содержащаяся в устных рассказах, несёт большую смысловую нагрузку. Используемые для мелодий на *шооре* словесные формулы содержат монологическую речь главных персонажей повествования, где сосредоточена основная мысль всего текста. Бытование таких рассказов у российских и монгольских тувинцев не зафиксировано, и названия к определённым мелодиям *шоора* тоже не имеются. Проведенный анализ текстов показывает, что устная проза тувинцев Китая в значительной степени сохранила древний пласт общетюркского фольклора, который до настоящего времени имеет аутентичное исполнение. В отличие от российских тувинцев, в локальной традиции тувинцев Китая, сохранились многие архаичные черты и мифологические представления, в настоящий момент уже утраченные в материнской культуре.

Во втором параграфе «Героический эпос и сказка (*тоол*)» рассмотрены особенности бытования сказительской традиции на современном этапе.

Термином *тоол* тувинцы Китая обозначают героический эпос и сказки, что характерно и для российских тувинцев. Носители фольклорной традиции по объему повествования выделяют *узун тоол* (букв. «длинная сказка») и *кыска тоол* (букв. «короткая сказка»), что соответствует жанрам сказаний и сказок.

Раньше местными сказителями исполнялось множество героических сказаний: *Эр-чаңгыс Эрсен-оол* (Одинокий Эрсен-оол), *Буга-Чарын*, *Бора-Шээлей*, *Эр-Агыын*, *Бөге-Сагаан-Тоолай* (Силач Сагаан-Тоолай), *Кунан-Хара-Баатыр* (Богатырь Кунан-Хара), *Өзерде чажы чок, өлүрде тыны чок Эр-Дуңсай* (При взрослении не имеющий возраста, при смерти не имеющий душу Эр-Дунсай) и др. Героические сказания исполнялись не только на тувинском языке, но и на монгольском. Самыми известными сказаниями у тувинцев были ойратский эпос *Чаңгар* (Джангар), монгольские – *Кезер* (Гэсэр), *Хан-Хара-Баатыр* (Богатырь Хан-Хара). По свидетельствам информантов, героический эпос раньше исполняли в двух формах: *хоочуланьп айтыр* (речитативное исполнение) и *алганьп айтыр* (напевное исполнение).

Героические сказания, относящиеся к архаическому типу «Буга-Чарын, Бора-Шээлей», «Бөге-Сагаан-Тоолай» (Силач Сагаан-Тоолай) и «Кунан-Хара-Баатыр» (Богатырь Кунан-Хара), исполняются одним из последних сказителей Тыыдыком (76 лет, род хара-тош) в форме традиционного напевного речитатива без музыкального сопровождения. Общий объем записанных героических сказаний составляет: «Буга-Чарын, Бора-Шээлей» – 896 стк., «Бөге-Сагаан-Тоолай» (Силач Сагаан-Тоолай) – 720 стк., «Кунан-Хара-Баатыр» (Богатырь Кунан-Хара) – 430 стк.

Краткие же варианты этих сказаний бытуют в репертуаре молодых исполнителей в прозаической форме. Например, в репертуаре Монгунчыргала (22 года, род кызыл-соян) имеются сказания «Бөге-Сагаан-Тоолай» (Силач Сагаан-Тоолай), «Кунан-Хара-Баатыр» (Богатырь Кунан-Хара). Летом 2016 года в деревне Хом также удалось нам записать вариант сказания «Бөге-Сагаан-Тоолай» в прозаической форме от Манзаарак, 80 лет, из рода кызыл-соян. Названия сказаний у китайских тувинцев, совпадают с названиями героических сказаний тувинцев России. Ср. кит.тув. Буга-Чарын, Бора-Шээлей – росс.тув. Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей; кит.тув. Бөге-Сагаан-Тоолай – росс.тув. Мөге-Сагаан-Тоолай; кит.тув. Кунан-Хара-Баатыр, (другой вариант Хунан-Кара) – росс.тув. Хунан-Кара. Их главные герои, мотивы и сюжеты, общие места также идентичны фольклорным образцам российских тувинцев, записанным на территории Республики Тыва в 1970 гг.

В третьем параграфе «Песенная лирика (ыр)» анализируется современная песенная традиция китайских тувинцев. По интонационной напевности носителями традиции *ырлар* делятся на две группы: *узун ыр*, или *узун кара* «протяжная песня» (букв. «длинная песня») и *кыска* «короткая песня», или *чонаа ыр* «обычная песня». В текстах *узун* и *кыска ыр* рассмотрены отличительные лексико-поэтические особенности, проявляющиеся на уровне организации песенного текста: отбор лексики разных стилей, подбор глаголов, составляющих разные лексико-семантические группы, а также художественно-

изобразительных средств. Выявлено, что каждый песенный жанр на уровне организации песенного текста имеет свои лексико-поэтические приемы, которые обусловлены его функциональным назначением и тематикой. Из народных песен наиболее распространенными о родной земле являются «Ээви-Хем» (река Ээви), «Конгурей», которые имеются в песенной традиции центгельских и ховдинских тувинцев Монголии, что указывает на неразрывную связь песенной традиции обеих групп зарубежных тувинцев. Для песенной традиции российских тувинцев, эти тексты не характерны.

Рассмотрена роль в современной культуре тувинцев авторских песен, которые исполняются во время семейно-бытовых, календарных ритуалов. Основная тема авторских песен – любовь к родной земле, восхваление красот ее природы. В создании этих песен определенное значение имеют фольклорные поэтические средства, образы и символика, характерная для традиционной культуры тувинцев. В настоящее время постепенно происходит процесс фольклоризации этих песен: забывается авторство, текст песни заменяется синонимичными словами. Кроме песен местных авторов, широкую популярность среди китайских тувинцев приобрела авторская песня монгольских тувинцев Оокея Шанагаша и Кантомура Сарыглара «*Мен – тыва мен*» (Я – тувинец). Существуют и импровизационные варианты этой песни, в зависимости от места жительства поющего. Например, вместо слов: ...*Мөңгүн суглуг чурттуң уруу мен* – «Я – дочь местности с серебряной рекой», могут вставляться строки, в которых присутствуют местные топонимы: *Ак-Хаба чурттуң уруу мен* – «... Я – дочь Ак-Хабы» и др., что свидетельствует о ее популярности и постепенной фольклоризации. Из народных и авторских песен тувинцев России китайские тувинцы знают репертуар многих певцов, современных эстрадных исполнителей, а также известных фольклорных групп. Несмотря на это, песенная традиция тувинцев Китая пока не пополняется этими песнями из-за диалектных речевых особенностей.

Четвертый параграф посвящен малым жанрам фольклора: загадкам (*дывызык*), пословицам и поговоркам (*чечен, үлегер сөс*). В тувинском фольклоре жанр загадки имеет свои характерные особенности, присущие только для общетувинской традиции. Одна из особенностей состоит в том, что в отличие от других тюрко-монгольских народов, в тувинской фольклорной традиции, отгадывающий спрашивает примерную «тематику» загадки, что характерно для китайских и российских тувинцев. В текстах загадок прослеживаются понятия, связанные со скотоводческим укладом народа: физиологические особенности человека, детали юрты, охотничьи принадлежности загадывают с помощью сравнения с домашними животными, среди которых чаще упоминается образ коня. Триадных загадок намного меньше, но можно говорить об их присутствии, их особенность заключается в том, что каждая строка подразумевает конкретный предмет и требует три разных ответа.

В паремийном фонде китайских тувинцев наблюдается совпадение с некоторыми пословичными текстами материнской традиции: о сплоченности народа, правилах воспитания, о роли отца в жизни ребенка, о скоротечности

времени и др. Выявлены варианты паремий, в которых присутствует вторая часть, отсутствующая в пословицах российских тувинцев. Зафиксированы пословицы и поговорки, не имеющие аналогов в материнской традиции, а также у других тюркских народов Сибири. В отличие от фольклорных образцов российских тувинцев, в жанре пословиц и поговорок тувинцев Китая наблюдается тесная связь с народными сказками и устными рассказами. Выявлено, что реплики фольклорных персонажей, носящие назидательный характер, переходят в жанр пословиц и поговорок. Так, мораль сказки о птице, не прислушивающейся к советам старших, в следующей пословице передается в ритмизированной форме: *Улугнуң сөзүн дыңнаваанымны ай, / Узун ыяштың бажынга оолдаваанымны, ай.* – Старшего слова не послушала, ай / На высоком дереве зачем не родила птенцов, ай. В другом примере пословица связана с устным рассказом и состоит из наказа отца, отправляющего своих детей на охотничий промысел: *Хөрээгернен болбагар, / Хүнөсин-күштү камнагар.* – То, что вздумаете – не делайте, / Припасы-силы – берегите.

Проведенный сравнительный анализ загадок и паремий китайских и российских тувинцев показал, что у обеих групп в малых жанрах идентичных текстов намного больше. Вариативность произведений малых жанров свидетельствует о единой тувинской фольклорной традиции. В то же время можно отметить отличительные особенности в обеих группах. В жанре загадок у китайских тувинцев отсутствуют загадки, содержащие задачу (*бодалгалыг тывызык*).

Итак, фольклорная традиция китайских тувинцев является живой и динамичной системой традиционной культуры. Система жанров фольклора демонстрирует единую общетувинскую фольклорную традицию с этнолокальной спецификой, отмечается «вибрирование» фольклорных текстов в разных жанрах. Описанные шесть фольклорных жанров, их семантическая наполненность, а также их прагматика соответствуют идентичным жанрам российских тувинцев. В последние годы несмотря на постепенное угасание таких жанров, как: героические сказания, сказки, загадки, пословицы и поговорки, активно бытующими до настоящего времени являются произведения обрядовой поэзии, песенной лирики и несказочной прозы.

В третьей главе «Обрядовый фольклор. Теоретические аспекты исследования» рассмотрены общие теоретические подходы и методы к изучению обрядового фольклора в филологических и этнографических работах, фольклор и обряд охарактеризованы как единый культурный текст, состоящий из двенадцати культурных кодов, выполняющие в структуре обрядов важную роль, описаны общие характеристики культурных кодов, проанализирована взаимосвязь вербального компонента с другими элементами обряда, выявлены мотивы благопожеланий в детском цикле и свадебной обрядности, проанализированы жанровые признаки обрядовых текстов, бытующих у тувинцев Китая, России и Монголии.

В первом параграфе изложены современные исследовательские подходы в фольклористике и этнографии, применяемые к обрядовому фольклору. Выявлены

основные методы и подходы, как: структурно-семантический, направленный на выявление основных этапов и структуры ритуала, определения его семантики, знаковых составляющих; структурно-семиотический, рассматривающий фольклор и обряд как знаково-символическую систему, обладающую внутренней структурой; этнолингвистический, изучающий обрядовую лексику и терминологию в контексте ритуально-мифологической традиции и выявляющий семантические связи лексики с мотивами обрядов; функционально-тематический, применяемый для систематизации обрядовых текстов, характеристики функционального назначения обрядов, а также для анализа композиции и поэтики текстов; функционально-прагматический, направленный на описание и выявление функций обрядов, их прагматического назначения.

Во втором параграфе изложен исследовательский подход, применяемый к анализируемому в диссертации материалу. Фольклор и обряд тувинцев Китая рассматриваются как единый культурный текст. В исследовании выделены двенадцать культурных кодов (акциональный, вербальный, пищевой, пространственный, персонажный, временной, игровой, числовой, цветовой, предметный, звуковой, музыкальный), характерные для ритуально-фольклорной традиции китайских тувинцев. Под культурным кодом в данной работе понимается совокупность (набор) устойчивых символов и знаков, объединенных внутренней структурой и семантикой, обладающих определенным содержанием, проявляющихся в различных элементах народной культуры (время, предмет, пространство, пища, одежда и др.), особо значимых для определенного этноса.

В подпункте 3.2.1 дана общая характеристика культурных кодов. Вербальный код выполняет важную роль в обрядовой традиции тувинцев Китая, как один из основных магических элементов проводимых обрядов. Словесный элемент выделяется среди других культурных кодов большей функциональностью и семантической нагрузкой, так как он является одним из связующих звеньев в системе культурных кодов. Под вербальным элементом в нашей работе понимаются обрядовые / фольклорные тексты, то есть словесные элементы, которые органично входят в структуру всех календарных и семейно-бытовых ритуалов. Вербальный код у китайских тувинцев представлен самостоятельными жанрами обрядового фольклора: заклинаниями (*чалбарыыр*), благопожеланиями (*алгаар / алгыш / йорээл*), восхвалениями (*ат алгаар*), песнями (*ыр*), а также речевыми формулами: славословиями, дразнилками, звукоподражательными словами, обращениями. Эта полижанровость и многообразие вербального кода связаны прежде всего с огромной функциональностью и разветвленной структурой обрядовой практики китайских тувинцев.

Вербальный элемент с точки зрения семантической направленности в структуре тувинских обрядов всех этнолокальных групп нами разделен на две группы. Первую группу составляют обязательные словесные формулы (*алгаар*-благопожелание, *чалбарыыр*-заклинание), сопровождающие семейные и календарные обряды. Тексты этого типа образуют сложное единое целое, имеют стихотворную форму, соотносятся с главной идеей ритуала, а в некоторых

случаях поэтически интерпретируют ритуальные действия исполнителей. Характерной чертой первой группы является то, что в структуре ритуала каждый обрядовый жанр нацелен на разные задачи, имеет устойчивую композиционную структуру, обрядовую функцию и адресную направленность.

Во вторую группу включаются реплики, возгласы или восклицания участников ритуала во время или после произнесения обрядовых текстов знатоком традиций или обычным благословителем, с тем, чтобы «закрепить результат» доброго пожелания, действенность магических слов. Эти словесные компоненты можно назвать вторичными, или контекстными обрядовыми элементами, так как отличительным признаком речевых компонентов данной группы является то, что их семантика и прагматика выявляются только в связи с предыдущим обрядовым текстом.

Акциональный компонент состоит из определенных видов ритуальных действий, совершаемых участниками / участником обряда. Выделены устойчивые виды действий в родинном обряде, свадьбе (в зависимости от традиционных видов брака, совершаемые ритуальные действия различаются), новогодней и летней обрядности. Отмечена связь акционального кода с другими культурными кодами: вербальным, предметным, пространственным. Их взаимодействие отчетливо видно в обрядах перехода.

Персонажный код определяется функцией и ролью участников в совершении того или иного обряда. Для каждого ритуала должны быть свои главные лица и участники, обладающие определенными качественными характеристиками. Для участников, совершающих ритуальные действия, важное значение придается таким параметрам, как: пол, возраст, семейное положение, наличие здоровых детей, отношения родства, обрядовые функции. Выявлены персонажи обрядов детского цикла, свадьбы, календарных ритуалов (новогодние обряды, летний обряд освящения обо). В персонажном коде, кроме реальных людей, незримо присутствуют образы мифологических персонажей, характерные для традиционной культуры китайских тувинцев. В календарной и семейной обрядности, в первую очередь, подразумевается присутствие духа-хозяина Алтая Ак-огбена, считающегося полновластным хозяином всей территории проживания китайских тувинцев.

Пространственный код в зависимости от функционального назначения конкретного обряда выражен разными локусами. В нем отчетливо проявляются следующие структуры пространства, которые акцентируются во время ритуалов: горизонтальная (юг, восток, север, запад), и вертикальная (Верхний мир, Средний мир), локусы дома/юрты, скотный двор, территория *аала*. Проанализирован пространственный код родинного цикла, свадебной обрядности и календарных ритуалов.

К предметному коду относятся обрядовые предметы, имеющие разную семантическую наполненность. В зависимости от видов ритуала предметный код имеет отличительные особенности для родинного цикла, свадьбы и календарных ритуалов.

В обрядах важное значение имеет и **временной код**, как например, выбор благоприятной даты по восточному лунному календарю для семейных обрядов, календарный сезон (летне-осенний период), отсутствие траура в свадебной обрядности. Выявлено, что для совершения обрядов детского цикла и новогодних обрядов есть неблагоприятные дни. Кроме этого, существуют запреты на проведение семейных и календарных обрядов, связанных с определенным временным отрезком (ночь-утро-день-вечер).

Пищевой код связан с семантикой молочных и мясных продуктов, которые являются как повседневной, так и праздничной едой. В традиционной обрядности эти же продукты, в качестве ритуальной пищи наделялись особым сакральным смыслом. Все молочные продукты назывались белой пищей (*ак чем*), их использовали в качестве жертвенного дара духам-хозяевам местностей, прося у них защиты и покровительства. Для семейных обрядов из мясных продуктов сакральными считаются: баранья голень (*чода*), грудинка (*төш*), курдюк (*ужа*). В календарных ритуалах, в отличие от семейной обрядности, обрядовая пища предназначена исключительно духам-хозяевам местностей или божествам.

Игровой код представлен в структуре семейных и календарных ритуалов традиционными состязаниями. Для проведения летнего обряда *оваа дагыры* (освящение обо) обязательны конные скачки и борьба. Эти же состязания могут входить в структуру семейных ритуалов, но они обязательными не являются. На новогоднем этапе конные скачки и борьба необязательны, но проведение стрельбы из лука является обязательным. В структуру свадебной обрядности входят состязания, являющиеся их необходимыми элементами. Так, у родителей невесты проводят борьбу за овечью голову и состязание в разжигании огня; у родителей жениха – состязание в разбрасывании муки, борьба за овечью шкуру, состязание в разжигании огня.

Числовой код в ритуальной традиции тувинцев Китая, по сравнению с другими кодами, выражен менее отчетливо. Характерными его чертами является применение ряда устоявшихся чисел, имеющих определенную символику: 15 (день полнолуния как благоприятная дата для проведения ритуалов), 3 (тремякратный обход ритуального места), 4 (четыре стороны света), 5 (пять видов цветовой гаммы, используемых в ритуалах) и др.

Цветовой код в ритуалах китайских тувинцев наделяется устойчивой семантикой, выражающей функциональную направленность ритуала. Особое внимание в обрядах уделяется белому цвету – символу благодати, чистоты и счастья; вторым по значимости цветом является синий (символ вечного синего неба), характерный для широкого ряда обрядов. В календарном и семейном обрядах используются *хадаки*, ритуальные ленточки и молитвенные флажки белого, синего, зеленого, желтого и красного цветов. Весь спектр перечисленной цветовой гаммы представлен в проведении таких ритуалов, как: встреча Нового года по лунному календарю и летний обряд освящения *обо*, в которых прослеживается взаимовлияние традиционной и буддийской цветосимволики.

Музыкальный код присутствует в календарных и некоторых семейно-бытовых обрядах, поскольку он зависит от семантики определенного ритуала.

Под музыкальным кодом в нашей работе имеются в виду песни, которые обязательны в свадебной обрядности. Они поются группой лиц, представителями жениха и невесты на разных этапах свадьбы, их функциональное назначение соответствует целям и задачам свадьбы, созданию новой семьи и соединению двух кланов. Однако в родинном цикле, а именно в обряде захоронения плаценты, исполнение песен отсутствует.

Характерной чертой **звукового кода** является присутствие бинарных оппозиций, представляющих собой *громкость – бесшумность* путем использования разных звуковых форм. Аспект громкости характерен для семейных (первая стрижка волос ребенка, свадебная обрядность) и календарных ритуалов, аспект бесшумности – в обряде захоронения последа и пиршества в честь рождения ребенка.

В подпункте 3.2.2 проанализирована взаимосвязь вербального кода с другими одиннадцатью культурными кодами. Вербальный код обряда, в первую очередь, имеет тесную связь с акциональными действиями, а также с пространственным, временным, персонажным, пищевым, игровым, музыкальным, предметным, звуковым кодами. Отмечено, что присутствие цветового и числового элементов, по сравнению с другими культурными кодами, в вербальном компоненте менее заметно.

В третьем параграфе «Обрядовый фольклор китайских тувинцев в сравнительном освещении. Жанровые признаки» анализируются обрядовые тексты, входящие в структуру семейных, календарных, промысловых ритуалов у разных тувинских этнолокальных групп, проживающих на территории Китая, России и Монголии. Показана народная терминология обрядовых произведений в общетувинской фольклорной традиции, их схожая семантическая направленность, в которой заложено функциональное назначение жанра. В обрядовой лексике китайских тувинцев показано существование устойчивых словосочетаний и моделей, характеризующих локальную фольклорную традицию, отличную от российских тувинцев. Выявлены мотивы благопожеланий детского и свадебного циклов, включающие в себя в сжатом и лаконичном виде множество культурных символов, мифологических образов, выражений и понятий. Выявлено, что благопожелания семейной обрядности могут содержать «свернутые тексты», в которых дается иносказательная характеристика желаемого предмета. В отличие от них, композиционная структура календарных благопожеланий состоит из «развернутых текстов». Для заклинаний же, произносимых в индивидуальных обрядах, характерна «закрытость» или «интимность», обусловленная тем, что человек для достижения желаемого обращается с определенной просьбой к высшим силам.

Итак, фольклор и обряд представляет собой единый культурный текст, включающий в себя двенадцать культурных кодов. Каждый культурный код обладает семантикой и прагматикой, в структуре обрядов выполняет свойственные ему цели. Жанровые признаки обрядовых текстов в общетувинской фольклорной традиции показывают как общие, так и отличительные черты, в зависимости от принадлежности к конкретному обрядовому жанру.

В четвертой главе «Обрядовый фольклор детского цикла» дается подробный анализ этапов родинной обрядности, в которых содержится ряд защитных мер для благополучия и здоровья ребенка, наделение его определенной судьбой, привлечение удачи и счастья для его дальнейшей жизни. В благопожеланиях детского цикла выявлены основные мотивы долголетия, счастливой судьбы, жизненной силы человека, уважения, физических качеств ребенка, укрепления силы духа, образования, служения родине, физической выносливости, блаженного состояния, наличия многочисленных родственников, в которых содержатся традиционные морально-этические ценности. Обрядность детского цикла китайских тувинцев рассмотрена через призму традиционной мифологии и культуры тюрко-монгольских народов, где прослеживается общий пласт. Выявлены типологические параллели, существующие в родинном цикле неродственных народов.

В первом параграфе «Представления о беременности и родах в традиционной культуре» рассмотрены мифологические воззрения о беременности и родах в традиционной культуре, существующие поверья и запреты для беременной, касающиеся различных сфер: обрядовой, хозяйственной, мер предосторожности, речевого и пищевого поведения. Описаны акциональные действия во время трудных родов, которые имеют параллели в других тюркских традициях. Выявлены эвфемизмы по отношению к беременной, а также фразеологизмы, описывающие удачные роды, свойственные и другим тувинским этнолокальным группам. Указывается, что китайские тувинцы огромное значение придают дате проведения ритуалов, придерживаются благоприятной даты по восточному лунному календарю. По мнению тувинцев, существуют и неблагоприятные дни (*шээрлиг хуннер*), во время которых нельзя устраивать семейные празднества. В противном случае, считается, что, семейная благодать (*бодунуң өөнүң кежик-буяны*) может уйти в другую семью.

Во втором параграфе «Обряд захоронения плаценты» подробно проанализирован данный ритуал в сравнительно-сопоставительном аспекте с подобным обрядом, существовавшим в прошлом у тюрко-монгольских народов. Отмечается, что в наши дни после благополучных родов семья ребенка обязательно проводит обряд захоронения плаценты, который является первым этапом охранительных мер по отношению к новорожденному. Для проведения этого ритуала родители ребенка выбирают «пуповинную маму» (*киндик авасы, кин авасы*) – достойную женщину, имеющую детей. Обряд проводят в утренние часы в узком семейном кругу, яму для последа выкапывают либо дома, либо на улице «в чистом месте». Лица мужского пола на нем не должны присутствовать. Выявлены структура ритуала и последовательность обрядовых действий: обмывание некоторых частей тела роженицы; произнесение заклинания пуповинной мамой; окуривание роженицы и ребенка можжевельником – *аластаар*; помещение последа и других предметов в яму в определенной последовательности.

Словесный код обряда представлен заклинаниями (*чалбарыыр*) и благопожеланиями (*алгыш/ алгаар*). В заклинаниях обращаются к духам-

хозяевам и сверхъестественным существам с тем, чтобы они избавили от послеродовых осложнений роженицу. Благопожелания посвящены новорожденному, которые имеют прогнозирующую и программирующую направленность. В этом ритуале для ребенка закладываются ориентиры на будущую жизнь, поэтому обрядовые тексты представляют собой краткие изречения базовых ценностей тувинцев, характерных для традиционной культуры. В данном разделе проанализированы в благопожеланиях мотивы судьбы, долголетия, блаженного состояния, а также гендерные установки, посвященные мальчику и девочке.

В третьем параграфе рассмотрено проведение пиршества при рождении ребенка (*калча дой*), выявлены основные этапы обряда, порядок его проведения, проанализированы вербальные и акциональные действия. Пиршество устраивается после обряда закапывания плаценты в послеобеденное время, куда приглашаются только пожилые и замужние молодые женщины. Выявлено, что при произнесении обрядовых текстов совершаются ритуальные действия, имеющие семантику благополучия, а именно: человек, исполняющий доброе пожелание, должен держать в руке пиалу, в которой находятся голень и лучшие куски мяса. В текстах благопожеланий данного обряда содержатся мотивы жизненной силы человека, уважения, образования, физических качеств, служения родине.

Рассмотрена традиция имянаречения ребенка, в которой существуют противоречивые мнения: 1) «счастливое» имя; 2) «тяжелое» имя; 3) «плохое», или домашнее имя. Показана трансформация обычая имянаречения в условиях современной действительности, описано проведение небольшого пиршества, посвященного укладыванию ребенка в колыбель, в котором главное участие принимает повитуха-*кин авасы*. Выявлено, что в речевой культуре по отношению к детям используются эвфемизмы: *бичии чүве* (букв. «маленькое существо»), *бопаа* в значении «маленький ребенок», выполняющие охранную функцию. Описаны трансформационные процессы, начавшиеся у тувинцев Кок-Догая, Тамыкы и Бейтуна, которые начали отмечать «Сто дней» с момента рождения ребенка, обряда, характерного для китайцев.

Четвертый параграф посвящен одному из важных обрядов детского цикла – стрижке волос, который символизировал завершение периода младенчества. Задолго до проведения обряда родители делают ребенку прическу *тулум*, оставляя волосы на лбу и на висках. Дети носят такую прическу до обряда первой стрижки волос, который проводят детям от одного до пяти лет.

Обряд первой стрижки волос у китайских тувинцев является семейным праздником и значительным событием в жизни рода. По сравнению с другими обрядами детского цикла (закапывание плаценты, пиршество в честь рождения ребенка) в данном обряде могут участвовать и мужчины. В назначенный день начинается пиршество при большом стечении народа. В обязательном порядке приходит и повитуха, принявшая роды ребенка или участвовавшая в обряде закапывания плаценты. К ножницам, которыми будут стричь волосы ребенка, привязывают белый *хадак* и окуривают их можжевельником. Когда все гости

рассаживаются, стрижку волос обязательно первым начинает родной дядя по материнской линии, особо почитаемый человек у тюрко-монгольских народов. Только затем уважаемые люди преклонного возраста по ходу солнца отрезают прядь волос ребенка. Во время этого праздника ребенка впервые наделяют личным скотом. Приглашенные гости обычно дарят что-нибудь из живности (корову, овцу, жеребенка, козу) или дают деньги. Каждый присутствующий обязательно произносит благопожелание, отрезая прядь волос ребенка. Проанализированы тексты благопожеланий, в которых содержатся следующие мотивы: благополучия, наличия многочисленных родственников, укрепления силы духа. Выявлено, что у китайских тувинцев до настоящего времени обрядовые тексты благопожеланий родинной обрядности остаются традиционными и неизменными. Исполнители пользуются «старым» фондом обрядовой поэзии. В отличие от них у российских тувинцев наблюдается появление новых текстов благопожеланий, посвященных детям.

Таким образом, в ритуальной традиции китайских тувинцев детский цикл продолжает свое бытование, сохраняется весь комплекс родинных ритуалов, характерных для традиционной тувинской культуры. Выявлено, что по сравнению с тувинцами России у китайских тувинцев в настоящее время сохранился более ранний, архаичный пласт родинной обрядности; в ритуалах детского цикла выявлена типологическая общность с европейскими и славянскими народами.

Пятая глава «Свадьба как фольклорно-этнографический комплекс» посвящена свадебной традиции китайских тувинцев, которая является вторым *дой*-пиршеством в жизни человека. Свадебная обрядность китайских тувинцев сохраняет традиционную основу и проходит по полной схеме. Описана структура устоявшихся форм брака: сватовство по сговору и умыкание невесты; рассмотрены этапы сватовства, предсвадебных обрядов, собственно свадьбы (пиршество у родителей невесты, пиршество у родителей жениха) и послесвадебных действий. Для свадебных обрядовых текстов характерны мотивы гостеприимства, многодетности, многочисленности скота, достатка еды, хорошей семьи, обладания необычной посудой, в которых содержатся народные представления о счастливой и идеальной семейной жизни. Исследуемый материал сопоставлен со схожей свадебной обрядностью других тюрко-монгольских народов.

В первом параграфе характеризуются устоявшиеся виды традиционного брака в настоящее время: брак по сватовству (*худалажып өгленир*), брак умыканием (*келини дестирип өгленири*), и брачный сговор малолетних детей, который существовал примерно до 1950 гг. Среди китайских тувинцев брак по сватовству является наиболее распространенной формой женитьбы, при которой обязательным условием для стороны жениха является проведение основных этапов сватовства, дарение скота и уплата калыма в денежном эквиваленте родителям невесты. Брак умыканием происходит по обоюдному согласию молодоженов, когда девушка и парень договариваются между собой без согласия родителей, при котором распространено «мнимое» похищение девушки. Это

связано прежде всего с экономической стороной брака, чтобы родителям жениха избежать расходов на калым и проведение свадьбы. Брачный сговор малолетних детей в прошлом устраивался между знакомыми или друзьями: когда еще дети не родились или в их малолетнем возрасте. Анализируются вопросы безбрачия в традиционной культуре, основные запреты при выборе брачного партнера, правила экзогамии, а также нововведения в свадебной обрядности, соблюдаемые с 1990-х годов.

Во втором параграфе рассмотрены основные три этапа сватовства, обязательные при браке по сватовству. Первый этап *аас белек айтыыр* (букв. «устное испрашивание подарка»), когда родители жениха приезжают к родителям будущей невесты, чтобы просить их согласия на брак. Второй этап сватовства называется *ак кудар*, или *хадак бээр* (преподнесение подарка). В этот раз сваты преподносят родителям, родным братьям или сестрам невесты небольшие подарки, которые назывались словом *хадак*. Третий этап – *шай былчыыр* (разламывание плитки чая) насыщен обрядовыми действиями. Родители жениха дарят дойную корову матери невесты «за молоко матери» (*иезиниң сүдүнүң орнунга*), отцу или родному брату – коня, называемого *чода ат*. На этом же этапе родители жениха приносят для родителей невесты денежный калым, о сумме которого была предварительная договоренность. Кроме этого, для родственников невесты привозят *коржун* (специальный мешок), в котором находятся отрезки материи, новые вещи, арака, магазинные сладости. После вручения даров родителям невесты совершается главное действие этого этапа – разламывание плиточного чая мужем старшей сестры или родственницы (*улуз честези*). Кроме этапов сватовства, в структуру предсвадебных обрядов входит проведение обряда *дөжек дою* (букв. «постельное пиршество»), в ходе которого всеми собравшимися женщинами изготавливаются постельные принадлежности для новобрачных. Обряд проводится у родителей жениха и невесты за 4-5 дней до свадебного пиршества. Когда одеяло готово, на него ставят сладости, кладут деньги, сажают двух-трёхлетнего мальчика и покачивают его. Эти обрядовые действия акционального плана должны были обеспечить для молодых потомство, «сладкую жизнь», благополучие и достаток в семье.

В подпункте 5.2.1 поэтапно проанализировано проведение и структура свадьбы *биче дой* «малое пиршество» (вариант *уругнун дойу*), устраиваемого у родителей невесты. Отличительной чертой малого пиршества является отсутствие невесты, она не показывается перед женихом и его родственниками. Описаны обязательные ритуалы, совершаемые женихом: угощение всех родственников невесты кусочками мяса с курдюка; моление домашнему очагу невесты. Одним из важных обрядов является обряд благословения зятя (*күдээсин алгаары*), где ему посвящают добрые пожелания, собравшиеся представители двух кланов. В текстах благопожеланий проанализированы следующие мотивы: гостеприимства, многодетности, достатка еды, многочисленности скота, выражающие основную идею свадебного пиршества. Описан ритуал расплетания кос невесты (*уругнуң чаъжын чазар*), который проводится двумя женщинами, со стороны невесты и жениха, состоящими в счастливом браке и имеющими детей.

Отмечено бытование песен-восхвалений, пропеваемых стороной невесты и жениха, а также песен-восхвалений, посвященных невесте, содержание которых соответствует проводам невесты, когда она навсегда прощается с родительским домом и отправляется на чужбину, где должна прожить свою дальнейшую жизнь. В этой песне четко прослеживается принцип экзогамных отношений, когда невеста должна быть из другого рода и дальних земель. В день отправления свадебного кортежа для новобрачной устраивают обряд благословения. Для вывоза невесты ее родственники придерживаются определенных запретов и поверий. По традиционным представлениям тюрко-монгольских народов считается, что каждый человек имеет благоприятную сторону света: восток, запад, юг, север. Эту особенность определяют буддийские монахи, которые с помощью года рождения вычисляют каждому удачную сторону света. В соответствии с такими представлениями, если свадебный поезд должен ехать не в направлении удачной стороны невесты, то новобрачная сначала должна сделать семь шагов в сторону своей благополучной стороны, и только затем должна поехать в нужную ей сторону.

Подпункт 5.2.2 посвящен анализу свадьбы *улуг дой* (главное пиршество) (вариант *оолдуң дойу*), проводимой у родителей жениха. Здесь подробно описаны обряды встречи свадебного поезда *уткууру*, благословения невесты, находящейся за свадебной занавесью, открывание свадебной занавеси отцом жениха, ритуал поклонения новобрачной домашнему очагу родителей и родственников жениха, обряд благословения новой юрты молодоженов (*бөөдей өг алгаары*).

Наставления и пожелания невестиной родни видны в проведении специального ритуала по отношению к невесте. В этот же день, когда родственники невесты собираются уезжать домой, то на подол платья дочери кладут маленький камень и при этом ее благословляют: *Эрге берген уруг бо даш ышкаш калсын!* – Выданная замуж девушка, оставайся здесь, подобно этому камню! Вариант тувинцев Ханаса: *Төрээн уруг барган черинге амдыгы ташчы бооп турар сен!* – Девушка, родившаяся в той выданной земле, подобно камню, оставайся! У тувинцев Хома: *Эрге барган уруг - ээремге каан даш* – Девушка, выданная замуж – в пучину брошенный камень. Обряд положения камня на подол невесты у китайских тувинцев является заключительным этапом обрядовой части свадьбы главного пиршества, проводимого в доме жениха.

Проанализированы мотивы благопожеланий: блаженного состояния, долголетия, укрепления силы духа, благополучной семьи, произносимые во время обрядов. Описан ритуал поклонения астральным объектам: Луне и Солнцу (*Ай-хунге чалбарыры*), проводимый в прошлом. Здесь прослеживаются отголоски культа Луны и Солнца, которым поклонялись тюркские народы. По фольклорным источникам, Средний мир, где живут люди, освещен солнцем и луной, в отличие от Нижнего, где светит тусклое солнце и ущербная луна. Эти представления отчетливо выражаются в похоронном обряде китайских тувинцев, когда умершего человека перед захоронением в землю оберегают от солнечных лучей, считая его человеком потустороннего мира, где не бывает Солнца.

Сейчас этот обряд не проводится, в Ханасе и Ак-Хабе он остался только в памяти пожилых людей. В деревне Хом среднее поколение еще помнит о проведении этого ритуала, хотя в структуре свадьбы обряд пока не практикуется. На послесвадебном этапе у китайских тувинцев не отмечается проведение особых ритуалов. Послесвадебные действия заключаются только в том, что через месяц после свадебного пиршества молодые приезжали к родственникам, которые на свадьбе подарили им скот. Они привозили подарки, *арагу*, сладости. В этот приезд они получали скот и увозили с собой. Также проходит этот этап у российских тувинцев.

В третьем параграфе описаны характерные особенности брака умыканием. Во время этого вида брака традиционную встречу *уктулга* имитируют, поскольку здесь не присутствуют родственники новобрачной. Для этого невесту выводят из дома родственников жениха, также загоразивая ее свадебной занавесью. Шествие, состоит из родственников жениха, которые в руках держат шелковую занавесь, за которой находится невеста. Встречают эту свадебную процессию родственники недалеко от дома жениха, в 200-300 метрах.

Новобрачная также сидит за свадебной занавесью, здесь же происходит благословение невесты присутствующими, затем и поклонение невесты домашнему очагу. Также проводятся обрядовые состязания *далган чажары* (разбрасывание муки) и *кеш былаачыыры* (борьба за овечью шкуру), по традиции проводимые у жениха. На свадебное пиршество приходит только сторона жениха. Все ритуалы, обязательные при браке по сговору, по традиции проводимые у родителей невесты, при браке по умыканию не проводятся. Даже важный ритуал *уругнун баш чазары* (расплетание косы невесты), символизирующий переход невесты в категорию женщин, проводимый у родителей, на этом этапе отсутствует. Это же касается и проведения состязания *баш былаачыыр*, которое проводится также в доме родителей невесты и, считается одним из важных ритуалов свадьбы. Исключение составляет предсвадебный обряд *дөжсек дою* (букв. «постельное пиршество»), который может проводиться только родственниками жениха до свадебного пиршества.

Обычно после проведения свадьбы родители жениха приезжают к родственникам невесты, чтобы попросить прощения за умыкание их дочери. Если даже при браке умыканием свадебное пиршество проводят для родственников невесты, то сторона жениха не выплачивает денежный калым родителям невесты.

Четвертый параграф посвящен традиционным состязаниям и играм, проводимым в структуре свадебного пиршества. **В подпункте 5.4.1** анализируются обрядовые игры, проводимые у родителей невесты – *баш былаачыыры** (борьба за овечью голову), *от чарыштырыыры* (состязание в зажигании огня); у родителей жениха – *далган чажары* (букв. «разбрасывание муки»), в доме родителей жениха – *кеш былаачыыры* (борьба за овечью шкуру), *от чарыштырыыры* (состязание в зажигании домашнего очага). В них ярко выражены ритуально-магические функции, которые должны содействовать, во-первых, укреплению брачного союза и благополучию молодоженов. Во-вторых,

* Диал., лит.форма *былаажыры*.

можно говорить о том, что, как и весь свадебный обряд, эти состязания способствовали молодой семье испрашиванию покровительства и милости у духов-хозяев местности, божеств-*бурганов*, а также получить благодать скота. В состязаниях борьба за баранью голову и шкуру не случайно совершается через дымовое отверстие. По семантической направленности эти состязания представляют собой установление контакта с божествами Верхнего мира. Эти же обрядовые состязания в прошлом бытовали у сибирских народов: бурят, алтайцев. В пункте 5.4.2 содержится описание необрядовых игр: *чинчи чажылары* (прятание бус), *шап кагары* (битье кожаным ремешком), которые проводились после обрядовой части свадьбы. В них не наблюдается состязательность между брачующимися родами, возможно, что эти игры в прошлом также имели обрядовые истоки.

Итак, свадебная обрядность китайских тувинцев представляет собой совокупность различных обрядовых действий, вербального и акционального компонентов, в которых отражаются традиционные мифологические представления и верования. Фольклорные произведения, включенные в свадебный обряд, представлены разными жанрами: *алгыш* (благопожелания), *чалбарыыр* (закливание жениха и невесты при поклонении домашнему очагу), *ырлар* (обрядовые и необрядовые песни). Если в материалах тюркских и монгольских народов в наши дни обнаруживаются только осколки этих традиций, то у китайских тувинцев они сохраняются в полном виде, что говорит о сохранности многих элементов традиционной культуры, ее консервации и аутентичности бытования свадебной обрядовой культуры.

В шестой главе «Календарно-обрядовый фольклор» подробно рассмотрены весенне-летние ритуалы и празднества китайских тувинцев – Встреча Нового года по восточному календарю (*Шагаа*), освящение обо (*оваа дагыры*), празднество по итогам стрельбы из лука (*баг мөөрейи*), а также национальные состязания (стрельба из лука по мишеням – *баг /саадак адары*; конные скачки – *ат чарыжы*; борьба – *бөге курежи*), являющиеся неотъемлемыми компонентами календарной обрядности.

Первый параграф анализирует этапы новогодней обрядности, выявляет специфику их проведения, вербальные компоненты, в которых заложены традиционные мифологические модели. В пункте 6.1.1 рассматривается предновогодний этап, который представляет собой подготовку к Новому году. Данный этап характеризуется четко выраженной очистительной символикой материальных предметов, жилища и телесной чистоты человека. По народным представлениям тувинцев, считается, что все плохое, весь негатив прошедшего года должен уйти вместе с грязью. Для выполнения процедур, в которых выражена идея очищения и избавления от прошлогодней грязи, китайские тувинцы соблюдают предписания о благоприятных и неблагоприятных днях по лунному календарю. Характерна обязательная подготовка праздничной пищи в больших количествах: заготавливают еду для будущих гостей с расчетом на пятнадцать дней, на время всех новогодних празднеств. Согласно мифологическим представлениям китайских тувинцев, заранее приготовленная

новогодняя еда являлась залогом благополучия и богатства семьи, процветания хозяйства, изобилия и сытости в будущем году. В этот же период в сельской местности хозяева запасаются колотыми дровами, так как во время новогодних празднеств рубка дров у тувинцев Китая категорически запрещена. Считается, что если в первые дни наступившего года будут издаваться резкие звуки, то можно отпугнуть свою удачу, предназначенную в наступающем году. В предновогодний день разжигают свечу – *чула өөскүүдүүр*, проводят совместную трапезу с пожилыми родственниками, с тем, чтобы проводить Старый год, где проявляется идея культа предков. В предновогодний вечер проводят обряд – *чилиг кагары* (разбивание бедренной кости коровы или овцы), которым символизируется конец года и необходимость его обновления ритуальными действиями. Проведением описанного ритуала, во-первых, «выгоняют» старый год, по мифологическим временным меркам «изживший себя», во-вторых, «открывают дорогу всему новому», что символизировало скорое наступление Нового года. В обрядовых текстах присутствуют эфемистические определения для названия годов согласно скотоводческой традиции. Старый год называют «буура чылы» (год годовалого верблюда), а Новый год «бодаган чыл» (год только родившегося верблюжонка). Это связано с мифологическими представлениями кочевников, когда Старый год как отжившее календарное время уподобляется годовалому верблюду, а Новый год – родившемуся верблюжонку. Китайские тувинцы для описания времени прихода / начала Нового года употребляют устойчивое выражение: *Чыл бажы келди, / Чылан бажы союлду* // Начало года пришло, / Голова змеи соскользнула. Бытование данного словосочетания у всех этнолокальных тувинских групп связано с поверьем, что весной змеи меняют свою кожу. Аналогичные представления о годовом времени, выраженные подобными словосочетаниями, имеются у алтайцев, хакасов и шорцев.

Пункт 6.1.2 анализирует обряд встречи Нового года мужчинами, который состоит из следующих последовательных звеньев: сооружение жертвенного костра; тоекратный обход *байлына* по солнцу; развешивание ритуальных ленточек; окропление местности – *шөөктээри*; повторный тоекратный обход *байлына* с криками *хурай, хурай*; произнесение знатоком традиций и уважаемым человеком от имени всего коллектива *чалбарыыр-заклинания*, обращенного к духу-хозяину Алтая – *Сагаан-огбену*; коленопреклоненное моление участников обряда; разжигание жертвенного костра – *сан салыры*; призывание счастья – *хурайлаар*. После описанных действий мужчины здороваются новогодним приветствием *шагаалажыр*: держа на руках для приветствия *хадаки* - ритуальные шелковые платы, младший по возрасту подставляет ладони старшему. На данном этапе особое место занимает произнесение заклинаний-*чалбарыыр*, в которых звучит восхваление Алтая, наступление Нового года, а также мотивы дороги / пути для подрастающего поколения, увеличения жизненной силы / долголетия старшего поколения, долголетия и счастливой судьбы у детей. Проанализирована структура обрядовых текстов китайских тувинцев по сравнению с тувинцами России и Монголии.

В подпункте 6.1.3 рассмотрен заключительный этап новогодней обрядности Мэтэр (по другому «день проводов Шагаа»), который проводится 15 числа лунного календаря. Обряд является нововведением, проводящимся с 1990-х годов. Ритуальные предметы, такие как: алтарь, изображение бодхисатв, напоминающие религиозную сущность празднества, отсутствуют. Поскольку в этих местностях не было буддийских храмов, обряд ограничивается посвящением благопожеланий уважаемым людям старшего поколения, а также молодым, отличившимся в работе. Поэтому в проведении этого празднества, устраиваемых в последние годы китайскими тувинцами, мы склонны видеть трансформацию буддийского обряда, адаптированного к местным условиям.

Во втором параграфе «Традиционные состязания в системе календарной обрядности» описаны стрельба из лука по мишеням, конные скачки, национальная борьба, проводящиеся в структуре календарных обрядов.

Подпункт 6.2.1 посвящен состязаниям по стрельбе из лука по мишеням, обязательного компонента новогодней обрядности. Описаны правила соревнований, требования к игрокам и атрибуты. Команды разделяются на *барыынгар* (запад) и *зуунгаар* (восток). Общие правила таковы: проводят семь раундов (*өрүк*). Обе команды начинают стрельбу из лука с правой стороны поля. Первый раунд проходит с дальнего расстояния – с 50 метров до мишеней; каждый последующий раунд должен проводиться на противоположных концах поля и имеет разное расстояние – 30 метров, 20 метров, 10 метров. Стреляющих должно быть двое: из каждой команды по одному человеку, которые должны стрелять по очереди по три раза, чтобы выбить мишень из круга.

Когда представители всех команд отстреляют с правой стороны поля, то начинают стрелять с левого конца поля также на расстоянии 50 метров. Вербальный код соревнований, представляет собой разные текстовые дискурсы: славословия, звукоподражания, призывания, дразнилки, звукоподражания, крики и возгласы, которые поддерживают эмоциональный накал игры, раззадоривая участников. Приведены образцы этих жанров, семантика которых раскрывается в контексте состязаний. Рассмотрены мифологические представления, вера в магию превентивных действий, магическая роль слова, запреты и поверья, которые сопутствуют удачной игре, меткости участников.

В подпункте 6.2.2 рассмотрены состязания по конным скачкам, которые устраиваются во время новогодних празднеств *Шагаа* и летнего ритуала *оваа дагыыры*. Обычно дистанция заезда колеблется от 5 до 10 км. Все лошади должны быть без седел, хвост и гриву лошади украшают разноцветными лентами. Наездниками выступают мальчики десяти-двенадцати лет, с ранних лет приученные к езде на лошади. По традиции китайских тувинцев, скакунов, пришедших к финишу первым, вторым, третьим, четвертым, приветствуют особым восхвалением – *ат алгаары*, которыми прославляют определенные достоинства (бег коня, аллюр, масть, скаковые качества, снаряжение). В последние годы восхваления на тувинском языке уже не произносятся, тексты восхвалений коню исполняются только на монгольском языке, так как они содержатся в опубликованных книгах, и каждый желающий может выучить эти

тексты наизусть. У китайских тувинцев, лошади, пришедшей к финишу самой последней, присуждают кличку *көк буга* (синий бык) в значении «как бык медленный, но выносливый». Она также удостоивается восхваления-*ат алгаары* на монгольском языке, а наездник получает ценный приз. По народным представлениям, считается, что лошадь, прибежавшая последней, тоже выполняет тяжелую работу, поскольку она собирает пыль от всех пробежавших коней.

Подпункт 6.2.3 посвящен национальной борьбе (*бөге күреши*), распространенному спортивному состязанию у всех этнолокальных групп тувинцев во время освящения обо (*оваа дагыры*). По правилам ведения у китайских тувинцев, побежденным считается тот, который задел землю только своей лопаткой, что дает игрокам больше шансов на продолжительную игру. Несмотря на то, что у тувинцев Китая до сих пор проводятся состязания по национальной борьбе, она переживает «фазу упадка». К признакам разрушения этой культурной традиции можно отнести следующие черты: борцы не носят специальных костюмов и обуви; не назначают секунданта-*салыкчы*, который вызывает борцов; не исполняются специальные поэтические тексты призываний-*бөге алгаары*, чтобы вызвать на поле борца; тексты восхвалений, посвященных победившим борцам, уже не произносятся, хотя, раньше такая традиция существовала.

В третьем параграфе «Летние обряды и празднества» представлены летний обряд освящения обо и празднество по итогам стрельбы из лука по мишеням.

В подпункте 6.3.1 дано описание проведения *оваа дагыры* (освящение обо). Он проводится на ритуальном сооружении *оваа*, находящемся на возвышенности или на равнинной местности и считающимся местом поклонения духу-хозяину Алтая, седобородому старцу Ак-Огбену. По характеру проведения освящения *обо* можно выделить две специфические группы ритуалов. Женщины селений Ак-Хаба, Ханас, Хом могут совершать обряд поклонения на возвышенности на ритуальном месте. В то же время в селениях Ала-Хаак, Тамыкы, Кок-Догай на возвышенность, где сооружено *оваа*, женщинам запрещено подниматься. Структура этого летнего обряда для обеих групп является общей: культовая часть – пиршество – традиционные состязания – проведение обряда *далалга* в домах верующих, с тем, чтобы призвать удачу для определенной семьи.

Культовая часть обряда начинается с того, что мужчины возжигают *сан салыры* – ритуальный костер. Особая роль старейшины или уважаемого человека в проведении *оваа дагыры*, как и раньше, является неизменной. Значительное место отводится заклинаниям, обращенным к духу-хозяину Алтая Ак-Огбену. Основной функцией заклинаний-*чалбарыыр* как одного из обязательных элементов проводимого обряда является поэтическое обращение каждого человека к духу-хозяину Алтая с мольбой и просьбой о помощи, испрашивание милости и покровительства, удачи и счастья, хорошего травостоя, приплода скота, здоровья и долголетия. Заклинание может произноситься про себя или

шепотом. Как и у российских тувинцев, для композиционной структуры *чалбарыыр* характерны три блока: обращение-восхваление, просьба, описание жертвуемых даров. Эти семантические блоки не имеют строгой последовательности, некоторые из них могут отсутствовать, но неизменным остается изложение просьбы.

Особый интерес в обряде *оваа дагыры* представляют запреты и ограничения, существующие в традиционной культуре, призванные сохранять национальную идентичность во избежание иноэтнического влияния. В таких запретах отчетливо просматривается оппозиция «свое» и «чужое», свойственная малочисленной группе тувинцев, проживающей среди многочисленных народов, когда срабатывает механизм самосохранения на любом уровне, как единственная возможность уберечь свою национальную специфику.

В пункте 6.3.2 анализируется летнее празднество *баг мөөрейи*, которое представляет собой заключительный этап стрельбы из лука по мишеням, ранее уже состоявшегося во время встречи Нового года (*Шагаа*). Проведение данного празднества значимо для игроков команд, членов их семей и болельщиков. *Баг мөөрейи* обязательно проводится через 3-4 дня после освящения *оваа*. Цель проведения этого празднества заключается в том, что на нём подытоживаются новогодние состязания по стрельбе из лука по мишеням.

Побежденная команда получает шутливо-ироничный подарок – курдюк козы (не считается почетным блюдом), а победители – курдюк барана (почетное блюдо), после чего игроки каждой команды коллективно съедают свой курдюк. Такие «награждения» являются одним из обязательных элементов празднества *баг мөөрейи*. Здесь же меткому стрелку посвящаются благопожелания, но в последние годы они звучат уже редко. Каждый участник проигравшей команды должен спеть песню члену победившей стороны. Певцы должны исполнить тувинскую или монгольскую песню, категорически запрещено петь на казахском и китайском языках. Допускается исполнение песни на китайском только в одном случае: если это будет перевод тувинской или монгольской песни. Во время исполнения песни, певец проигравшей команды должен преподнести участнику противоположной команды *хадак* в знак уважения, что также является одним из обязательных условий этого празднества.

Итак, календарно-обрядовый цикл китайских тувинцев представлен в полном виде и до настоящего времени сохраняет традиционную основу. Акциональные и вербальные компоненты новогодних ритуалов и освящения обо обеспечивают достижение результата проводимых обрядов, направленных на получение желаемых благ. Однако в состязаниях (конные скачки и борьба) отмечаются начавшиеся признаки разрушения традиции, которые проявляются в утрате некоторых словесных компонентов.

Заключение

Современное состояние фольклорной традиции китайских тувинцев характеризуется сохранностью фольклорных жанров: несказочной прозы, героического эпоса и сказки, песенной лирики, малых жанров. Из них наиболее

устойчивыми являются произведения обрядового фольклора, песни, а также повествовательные нарративы. Наблюдается живое бытование сказительской традиции, давно утраченной российскими и монгольскими тувинцами. Однако в ней исчезло сакральное отношение к эпосу, не соблюдаются некоторые запреты и предписания, обязательные в прошлом для исполнительской традиции тувинцев. Суживаются рамки активного бытования героического эпоса, сказок, загадок, пословиц и поговорок, что свидетельствует о признаках начала разрушения фольклорной традиции на современном этапе. Выявлено, что фольклорные жанры, их семантическая наполненность, а также их прагматика соответствуют аналогичным образцам фольклора российских тувинцев. Совпадают их общая идейно-тематическая направленность, тематическое разнообразие, структура и содержание фольклорных жанров. Отмечается «вибрирование» фольклорных произведений, характерное для локальных черт в рамках общетувинской традиции.

Фольклор и обряд тувинцев Китая представляют собой единый культурный текст, состоящие из двенадцати культурных кодов: акциональный, вербальный, пищевой, пространственный, персонажный, временной, игровой, числовой, цветовой, предметный, звуковой, музыкальный. Каждому культурному коду дана общая характеристика, определены его характерные признаки, выявлены семантика и структура кода, проанализировано функциональное назначение культурного кода в составе семейных и календарных ритуалов. Показаны взаимосвязи вербального компонента с акциональным, пространственным, временным, персонажным, игровым, цветовым, числовым элементами обряда.

Проанализированы жанровые признаки обрядовых текстов, входящих в структуру семейных, календарных, промысловых ритуалов у разных этнолокальных тувинских групп, проживающих на территории Китая, России и Монголии. Выявлена жанровая специфика произведений обрядового фольклора китайских тувинцев, функция которых совпадает с материнской традицией, рассмотрена народная терминология обрядовых произведений. Проанализированы устойчивые словосочетания и модели обрядовой лексики, выявлены мотивы благопожеланий детского и свадебного циклов, рассмотрена функциональная роль обрядовых жанров в составе ритуала.

Описана структура обрядов детского цикла, свадебных и календарных ритуалов. У китайских тувинцев важное место отводится обрядам, связанным с рождением детей, которые содержат ряд защитных мер для благополучия и здоровья ребенка. В обрядах детского цикла все акциональные действия, вербальные компоненты, а также предметный, персонажный, временной и пищевой коды направлены на общую цель – наделять счастливой судьбой малыша, оградить его от всевозможных несчастий, «открыть дорогу» в будущее. В благопожеланиях детского цикла выявлены одиннадцать мотивов, в которых обозначены основные цели ритуала, содержатся традиционные морально-этические ценности. Из них восемь мотивов характерны только для обрядов детского цикла, остальные три мотива используются и в свадебной обрядности. Отмечено, что в современных условиях жизни и иноэтничного окружения, в

обрядов появляются единичные заимствованные ритуалы. Детский цикл, представленный у китайских тувинцев, имеет общие корни и схожие обряды с детской обрядностью других тюрко-монгольских народов, в которой совпадают акциональный и вербальный коды обряда.

Свадебная обрядность китайских тувинцев представляет собой фольклорно-этнографический комплекс, вобравший в себя множество обрядов, обычаев и фольклорных произведений. Она сохранила традиционную основу тувинской свадьбы во всем многообразии и зрелищности. Выявлена и описана структура устоявшихся форм брака: сватовство по сговору и умыкание невесты; рассмотрены этапы сватовства, предсвадебных обрядов, собственно свадьбы (пиршество у родителей невесты, пиршество у родителей жениха) и послесвадебных действий.

Весь комплекс действий (акциональные, вербальные, временные, предметные, персонажные, пищевые, пространственные и др.), совершаемых на свадьбе, направлен на то, чтобы наделить новобрачных положительными качествами (чадородие, гостеприимство, долголетие), необходимыми для дальнейшей благополучной жизни. Привлеченный сравнительный материал по тюрко-монгольским народам свидетельствует о том, что эти же культурные коды свадебной обрядности, были характерны и этносам Сибири. В десяти выявленных мотивах благопожеланий наблюдаются основные приоритеты, которые занимают ведущее место в иерархии ценностей тувинской культуры. В отличие от российских тувинцев, у которых в современное время утрачена традиционная свадебная обрядность, у китайских тувинцев не наблюдаются тенденции к упрощению ритуальных действий и трансформации элементов обряда. До настоящего времени в структуре свадьбы тувинцев Китая проводятся и традиционные состязания (борьба за баранью голову, состязание в разжигании домашнего очага, разбрасывание муки, борьба за овечью шкуру), призванные содействовать испрашиванию покровительства и благодати у божеств и духов-хозяев для молодой семьи.

Календарно-обрядовый фольклор представлен двумя важными ритуалами – новогодними и летними. В работе показано, что каждый календарный обряд имеет свою семантическую специфику и прагматическую направленность, в структуру которого включаются традиционные состязания (стрельба из лука, конные скачки, борьба). Совокупность двенадцати культурных кодов: акциональных, вербальных, временных, предметных, пространственных, персонажных, пищевых, числовых, цветовых, музыкальных, звуковых, игровых – обеспечивают достижение результата проводимых обрядов, направленных на получение желаемых благ.

Главная особенность новогодних обрядов китайских тувинцев состоит в том, чтобы «правильно» проводить прожитый год и достойно встретить наступающий Новый год. Этим же целям соответствует проведение следующих обязательных этапов: подготовительного (избавление от прошлогодней «грязи», приготовление новогодней еды), собственно встречи Нового года (разбивание берцовой кости, встреча Нового года на ритуальном месте) и заключительного

(проведение обряда *Мэтр*). Выявлено, что в новогодней обрядности можно проследить взаимовлияние скотоводческой и земледельческой культур, в которой соседствуют мифологические представления тувинцев, монголов, китайцев.

В проведении летнего обряда *оваа дагыыры* наблюдается синкретизм всех традиционных верований: дошаманских, шаманистских и буддийских. Основным вербальным компонентом являются *чалбарыыр*-заклинания, в которых участники обряда просят благополучия на текущий год у духа-хозяина Алтая Ак-Огбена, описано поэтапное проведение летнего ритуала *оваа дагыыры*.

В календарных ритуалах китайских тувинцев не выявлены случаи трансформации и упрощения. Наоборот, на современном этапе при проведении ритуалов возникают определенные табу на исполнение песен соседних народов (кроме монгольских) и участие лиц других национальностей (кроме монголов).

Активно бытующими фольклорными жанрами в семейных и календарных ритуалах до настоящего времени остаются такие произведения обрядовой поэзии, как: благопожелания-*алгаар*, заклинания-*чалбарыыр*, песни-*ырлар*, в которых проявляется взаимосвязь ритуальных действий и обрядовых текстов. Роль обрядовых текстов в структуре и семантике ритуала значима, в некоторых случаях именно словесная часть ритуала определяет его магическую направленность, утверждается принятая этническая система ценностей, поддерживаются и санкционируются определенные нормы поведения.

Традиционные состязания и игры в структуре семейных и календарных обрядов являются обязательными их составляющими. В них отчетливо прослеживаются архаичные представления, хотя в настоящее время носителями культуры уже не осознается сакральное значение этих игр и состязаний. В стрельбе из лука сохраняются роль и функции вербальных и акциональных элементов, в конных скачках – особое значение придают акциональным действиям, но словесный компонент на родном языке не исполняется, в национальной борьбе видны признаки разрушения традиции, в которой утрачены акциональные и словесные компоненты.

Обрядовые тексты между собой взаимосвязаны, структурно соподчинены, дополняют друг друга прагматической направленностью. Все они в обрядовой реальности выполняют коммуникативную функцию, но одни являются благопожеланиями, заклинаниями, произносимыми знатоком, проводящим обряд; другие являются возгласами, восклицаниями участников, то есть речевой реакцией присутствующих. Произнесение словесного компонента тесно взаимосвязано с акциональными, пространственными, временными, персонажными, пищевыми, игровыми, музыкальными, предметными, звуковыми элементами. Вербальные константы в структуре обрядов не только у тувинцев Китая, России и Монголии, но и у других тюрко-монгольских народов (алтайцев, бурят, хакасов, монголов) имеют общие мотивы и параллели; совпадают их многие устойчивые формулы и тематика, тем самым подтверждаются общие генетические истоки народов Алтае-Саянского нагорья. Рассмотренный в диссертации материал позволяет говорить о том, что обрядовая культура и фольклор китайских тувинцев до настоящего времени сохраняет пласт архаичных

элементов, в которых обнаруживаются сходства и параллели с материнской традицией, а также с обрядовой сферой и фольклором других тюрко-монгольских народов. Проведенное исследование представляет собой первый этап по изучению фольклора и обряда у тувинцев Китая. Перспективными аспектами дальнейшего исследования в области фольклорной традиции китайских тувинцев является детальное изучение системы фольклорных жанров с точки зрения жанровых характеристик, структуры и прагматики, межжанровых образований, поэтических и языковых особенностей.

Основные публикации автора по теме исследования

Статьи в изданиях, реферируемых ВАК:

1. Юша Ж.М. Отражение архаичных верований в заклинаниях тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири, 2002. №3. С. 55-57.
2. Юша Ж.М. Классификация обрядовой поэзии тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири, 2003. №4. С. 69-73.
3. Юша Ж.М. Обряды детского цикла у тувинцев: традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири, 2006. №3. С.111-115.
4. Юша Ж.М. Поэтика тувинского обрядового фольклора // Гуманитарные науки в Сибири, 2006. №4. С. 64-70.
5. Юша Ж.М. Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири, 2007. №4. С.106-109.
6. Юша Ж.М. Фольклор тувинцев Китая и Монголии (по результатам комплексной экспедиции 2011 г.) // Сибирский филологический журнал, 2012. №3. С. 24-29.
7. Юша Ж.М. Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал, 2013. №2. С. 56-62.
8. Юша Ж.М. Устные рассказы тувинцев Китая о происхождении инструментальных наигрышей на *шооре* // Сибирский филологический журнал, 2014. №1. С.17-22.
9. Юша Ж.М. Как встречают Новый год китайские тувинцы // Азия и Африка сегодня, 2014. №12. С. 67-70.
10. Юша Ж.М. Вербальные константы в обрядах тувинцев Китая, России и Монголии // Сибирский филологический журнал, 2015. №3. С.75-80
11. Юша Ж.М. Детство в современной культуре китайских тувинцев // Наука из первых рук, 2015. № 3. С. 64-73.
12. Сыченко Г.Б., Леонова Н.В., Юша Ж.М. Принципы многоуровневого описания локальных песенных традиций // Вестник КемГУКИ, 2015. №30. С. 161-167.
13. Юша Ж.М. Тувинцы Китая и Монголии: современное состояние фольклорной ситуации (по результатам полевой работы 2011 г.) // Сибирский филологический журнал, 2016. №2. – С. 5-10 (с 2016 года журнал

индексируется в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science).

14. Юша Ж.М. Этноязыковая ситуация у тувинцев Китая // Традиционная культура, 2017. №3. С. 46-57.
15. Юша Ж.М. Обрядовый фольклор тувинцев Китая в сравнительном освещении: жанровые признаки // Сибирский филологический журнал, 2017. №3. С. 19-28 (с 2016 года журнал индексируется в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science).
16. Юша Ж.М. Фольклорно-этнографические традиции тувинцев Китая (по результатам полевой работы 2016 г.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2017. №3. – С. 90-96 (издание включено в индекс научного цитирования Web of Science ESCI с 10.09.2017 г.)

Монографии:

17. Юша Ж.М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск, 2009. 160 с.
18. Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск: Наука, 2010. 373 с.: ил. + компакт-диск (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т.28).
19. Юша Ж.М. Зарубежные тувинцы в объективе фотокамеры. Тувинцы Китая. Аннотированный фольклорно-этнографический фотоальбом. Новосибирск, 2014. 160 с.

Статьи и тезисы:

20. Юша Ж.М. Культ умирающего и воскресающего зверя в благопожеланиях тувинцев // Эпос «Урал-Батыр и мифология». Материалы Всероссийской научной конференции. Уфа, 2003. С. 87-89.
21. Юша Ж.М. Функциональная роль макталов в традиционных тувинских обрядах // Материалы XII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2003. С. 73-76.
22. Юша Ж.М. Художественно-образительные средства обрядовой поэзии тувинцев // Материалы международной конференции «Джангар» в евразийском пространстве». Элиста, 2004. С.321-325.
23. Юша Ж.М. Лексико-стилистические особенности жанров обрядового фольклора тувинцев // Материалы XIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2004. С.91-96.
24. Юша Ж.М. Поэтические тропы обрядовой поэзии тувинцев // Материалы международной конференции «Джангар» в евразийском пространстве». Элиста, 2005. С.344-347.

25. Юша Ж.М. Традиционная обрядность тувинцев // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Материалы международной науч.-практич. конференции. г. Уфа, 29 сентября. Уфа, ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С.203-204.
26. Юша Ж.М. Роль словесного компонента в промысловых обрядах тувинцев // Ученые записки ТИГИ. Выпуск XXI. Кызыл, 2007. С. 259-272.
27. Орус-оол С.М., Юша Ж.М. Тувинский фольклор // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т.3 (С-Я). С. 311.
28. Юша Ж.М. Специфика жанра проклятий в фольклоре тувинцев // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы международной науч.-практич. конференции. г. Уфа, 17-19 апреля 2009 г. Уфа, 2009. С.219-222.
29. Юша Ж.М. Свадебная обрядность тувинцев: традиции и инновации // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск: Арта, 2008. С. 52-62.
30. Юша Ж.М. Жанровые особенности обрядовой поэзии тувинцев // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2008. С. 182-197.
31. Юша Ж.М. Текстологическая работа по тому «Мифы, легенды, предания тувинцев» // Народная культура Сибири: Материалы XVIII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Амфора, 2009.С. 137-141.
32. Юша Ж.М. Вербальный компонент в структуре тувинских обрядов // Материалы международной научно-практической конференции «Жамбыл и эпическое наследие тюркских народов» 11-12 апреля 2011 г. Алматы, 2011. С. 67-70.
33. Юша Ж.М. Мактал (восхваления) в традиционных состязаниях тувинцев // Ученые записки ТИГИ при Правительстве РТ. Выпуск XXII. Кызыл, 2010. С. 305-317.
34. Юша Ж.М. Результаты комплексных фольклорно-этнографических экспедиций к тувинцам Китая и Монголии // Ученые записки ТИГИ. Кызыл, 2012. С. 469-479.
35. Юша Ж.М. Социолингвистическая ситуация у тувинцев Китая // Материалы Международной конференции «Тюркская руника». Кызыл, 2013. С. 157-161.
36. Юша Ж.М. Полевое исследование языка тувинцев Китая // Материалы X Конгресса антропологов и этнографов России. М., 2013. С. 248.
37. Юша Ж. М. Шоор в традиционной культуре тувинцев Китая [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014, № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_21/6941-yusha.html
38. Юша Ж.М. Полевые исследования у тувинцев Монголии и Китая // Вестник РГНФ, 2014. С. 438-440.
39. Юша Ж.М. Семантика ритуальной пищи в новогодней обрядности тувинцев Китая // Тезисы XI Конгресса этнологов и антропологов России. Сб.материалов. М., 2015. С.359.

40. Юша Ж.М. К вопросу о словесном компоненте народной песни // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2015 (выпуск 28). №1. С.78-83.
41. Тирон Е.Л., Юша Ж.М. Тувинские народные песни: материалы Архива Тувинского института гуманитарных исследований (1970-е гг.) // Народная культура Сибири. Материалы XXIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2015. С. 115-119.
42. Юша Ж.М. Сказительство у тувинцев Китая: традиция и современность // Языки и литературы тюркских народов. Международная научная конференция, посвященная 180-летию кафедры тюркской филологии СПб ГУ. Тезисы выступлений. Санкт-Петербург, 26-28 октября 2015. СПб., 2015. С.134-135.
43. Юша Ж.М. Современное бытование несказочной прозы у тувинцев Китая // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2016. №4. С.126-131.
44. Юша Ж.М. Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, 2017.№1. С.101-117. URL: <https://nit.tuva.asia/index.php/nit/article/view/699/1090>
45. Yusha Zh. Русские лексические заимствования в языке китайских тувинцев (Çin Tivalarinin Dilindeki Rusça kelimeler) // VIII. Uluslararası Türk Dili Kurultayı. Bildiri özetleri. Ankara, 22-26 Mayıs 2017. S.276 (на рус.яз.).
46. Yusha Janna. Tuva Tören Folklorunun Poetikası // Uluslararası Türk Dili Kurultayı bildirileri. 20-25 Ekim 2008. Ankara, Türkiye. S. 480 (на турец.яз.).
47. Yusha Zh. Şimdiki zamanda Çin'deki Tuvalılarda dil durumu // IV. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu "Dilleri ve Kültürleri yok olma tehlikesine maruz Türk toplulukları. Son sesler duyulmadan" 23-26 Mayıs. Ankara, 2012. S.70 (на турец.яз.).
48. Yusha Zh. Çin'deki Tuvalarının Bugünkü Dil Durumu // IV. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu "Dilleri ve Kültürleri yok olma tehlikesine maruz Türk toplulukları. Son sesler duyulmadan" 23-26 Mayıs 2012. Ankara, 2013. S. 599-602 (на турец.яз.).
49. Юша Ж. Кыдат тываларында Шагаа ёзулалдары // http://gov.tuva.ru/press_center/tyva_12714/ (на тув.яз.).
50. Zhanna Yusha. 俄罗斯图瓦人的现代社会语言学状况 // Thesis Summary. The 2nd Forum on China's Neighboring Languages and Cultures. Beijing, 2014. P.60-63 (на кит.яз.).
51. Zhanna Yusha. Çin Tuvalarının Folkloru (Folklore of Tuvininans of China) // Belleten. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, 2016. Cilt 61, №2. Ankara, 2016. S.261-266 (на турец.яз.).
52. Zhanna Yusha. Çin ve Moğolstandaki Tuvaların Çocuk Edebiyatında sorunları // I. Uluslararası Çocuk ve Gençlik edebiyatı sempozyumu bildirileri. 24-25 Ekim 2014. Maltepe-Istanbul, 2015. S. 65-67 (на турец.яз.).
53. Zhanna Yusha. 图瓦人。About Tuvan // Altay-China International Ancient Skiing Cultural Forum Report. 北京 (Beijing), 2016. P.510-511 (на англ. и кит.яз.).

Научное издание

Юша Жанна Монгеевна

**ФОЛЬКЛОР И ОБРЯД ТУВИНЦЕВ КИТАЯ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА**

Специальность: 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 23.03.2018 г.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 2,6. Усл. печ. л. 2,4.
Тираж 100 экз. Заказ № 50
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2